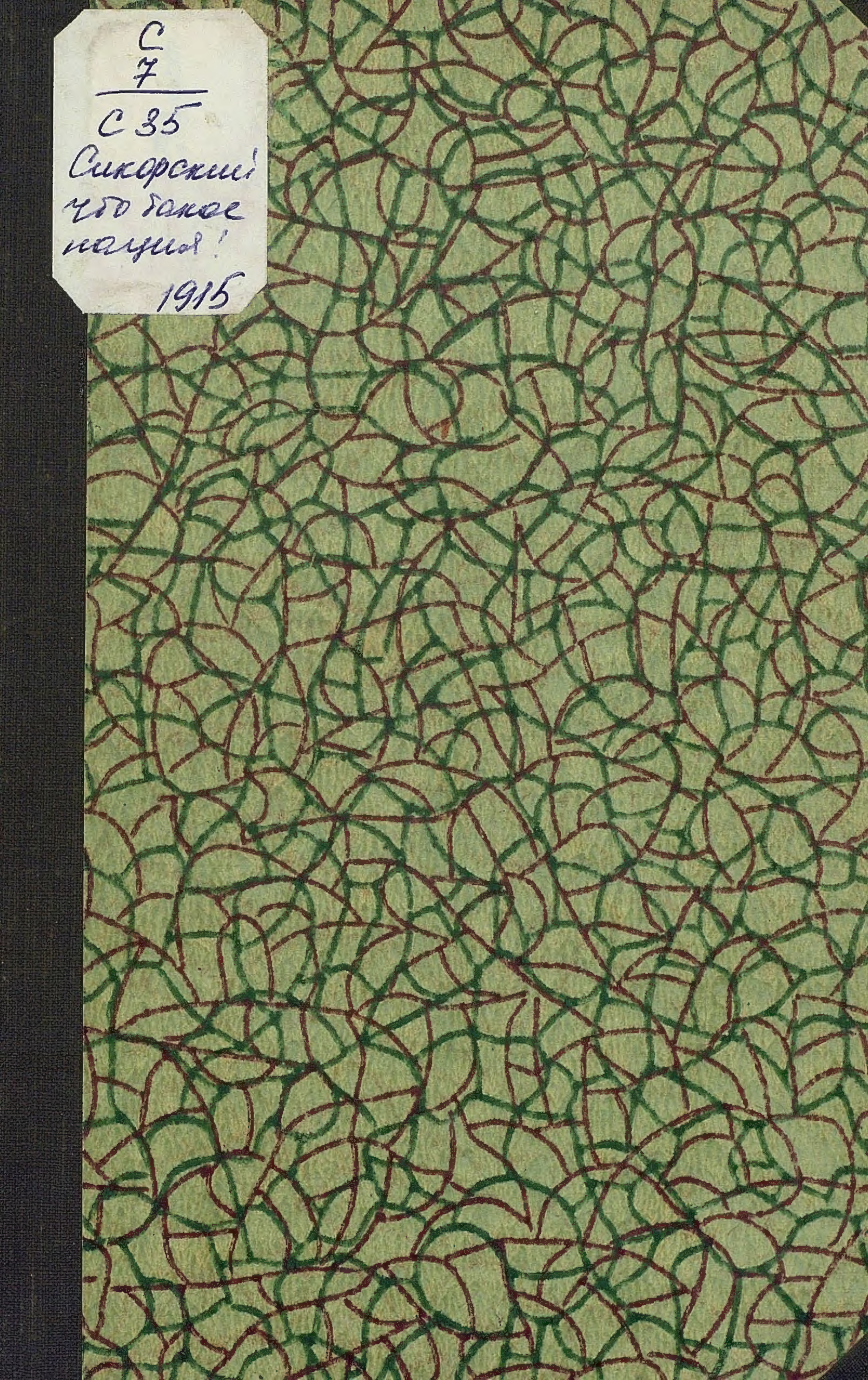

С
7
С 35
Сикорский
что такое
нация!
1915

Проф. И. А. СИКОРСКІЙ.

ЧТО ТАКОЕ НАЦІЯ

и

другія формы народной жизни?

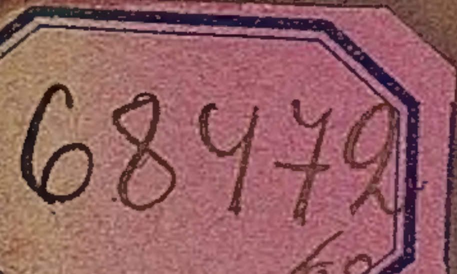

КІЕВЪ.

Лито-Типографія „С. В. Кульженко“, Пушкинская ул., соб. д. № 4.

1915.

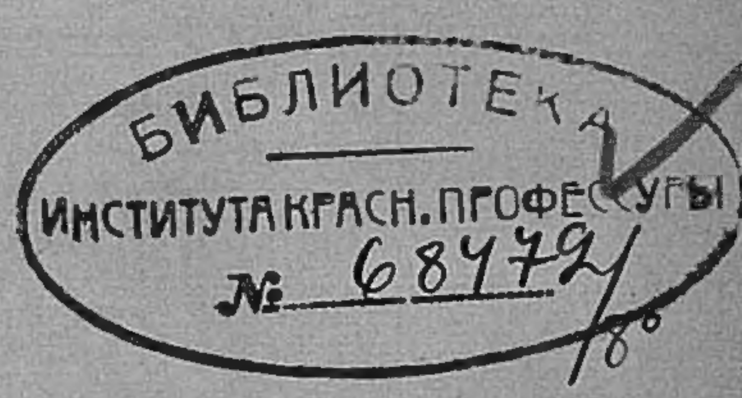

Проф. И. А. СИКОРСКІЙ.

ЧТО ТАКОЕ НАЦІЯ

и

другія формы этнической жизни?

КІЕВЪ.
Лито-Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская ул., соб. д. № 4.
1915.

Что такое нація и другія формы народной жизни?

Средство оказаться правымъ въ будущемъ заключается въ умѣньи мириться, въ извѣстные моменты, съ обвиненіемъ васъ въ отсталости.

Э. Ренанъ.

Неожиданно, въ самый разгаръ текущей войны, возникъ вопросъ о *націяхъ и націонализмѣ*. Вопросъ разомъ былъ поднятъ со всѣхъ сторонъ. О немъ заговорили и ученые (Арабажинъ, Милюковъ), и публицисты (Струве и другіе), и мыслители (проф. Е. Трубецкой). Заговорили объ этнографіи и націонализмѣ въ прессѣ, въ засѣданіяхъ ученыхъ и политическихъ обществъ. Высказана убѣжденная мысль о необходимости принимать во вниманіе этнографическія данныя при устройствѣ судьбы народовъ. На весь міръ раздалось сильное слово выдающагося министра иностранной державы о предстоящей перестройкѣ карты Европы на принципахъ различія народностей. Даже самый фактъ возникновенія современной войны имѣетъ одною изъ своихъ глубокихъ причинъ культурную потребность просвѣщеннѣйшихъ народовъ земли взять подъ свою защиту слабыя числомъ, но одаренныя народности, отъ нападенія сильныхъ и хищныхъ сосѣдей. Русское общество *единодушно* устремило свое вниманіе на вопросы этнографіи и націонализма, не считая тѣхъ, кто съ недавняго времени сдѣлалъ *русскій націонализмъ* своимъ присяжнымъ знаменемъ и

эмблемой. Такимъ образомъ, вопросъ является не только современнымъ, но и созрѣвшимъ въ той степени, что имъ заинтересовано все общество во всѣхъ своихъ слояхъ и во всемъ составѣ.

Вопросъ о націяхъ и національзмѣ возникъ не въ Россіи, но далеко за ея предѣлами—во Франціи; на фактъ національзма тамъ взглянули какъ на естественное этническое явленіе, и вопросъ получилъ научное освѣщеніе для широкой публики въ устахъ извѣстнаго ученаго и публициста Э. Ренана, сдѣлавшаго вопросъ о націи предметомъ своей публичной лекціи въ Сорбоннѣ.

Въ наши дни дѣлаютъ большую ошибку, смѣшивая расу съ націей,—такъ начинаетъ Ренанъ свою лекцію. Затѣмъ онъ пытается внести ясность въ разбираемый вопросъ. Онъ называетъ свою задачу щепетильной, почти вивисекціей, но обѣщается вложить въ дѣло полнѣйшее хладнокровіе и безпристрастіе, хотя и не скрываетъ, что съ живыми будетъ обращаться, какъ съ мертвыми.

Уже много столѣтій Западная Европа, по словамъ Ренана, представляется раздѣленною на націи, и, быть можетъ, многія столѣтія увидятъ ее въ томъ же положеніи. Франція, Англія, Россія, Германія будутъ существовать, по его словамъ, еще сотни лѣтъ и, не смотря на всѣ частности и случайности, могущія произойти въ будущемъ, онѣ никогда совершенно не сольются. Нація въ этомъ отношеніи явленіе довольно новое, говоритъ Ренанъ, издавна же націй не было. Были болѣе, или менѣе, крупные конгломераты въ родѣ Ассирійской и Персидской монархій, или имперіи Александра Великаго, но всѣ онѣ не были „отечествами", потому что не охватывали интересовъ народной жизни со всѣхъ или по крайнѣй мѣрѣ съ многихъ сторонъ и не объединяли живущія сообща племена, народности и расы нѣкоторымъ общимъ культурнымъ довольствіемъ и удовлетвореніемъ. Націи въ этомъ именно смыслѣ—явленіе въ исто-

ріи довольно новое, провозглашонное впервые Французами, которые признали суверенитетъ за націей, но не за расой, религіей или инымъ началомъ фактически объединяющимъ группы людей. Ренанъ, исчисляя и оцѣнивая различныя объединительныя связи, признаетъ національный принципъ наиболѣе справедливымъ и законнымъ, принципъ-же расовой наиболѣе узкимъ и полнымъ опасностей для истины и прогресса.

Въ наши дни, формы и виды совмѣстной объединенной народной жизни становятся, въ качествѣ одного изъ этническихъ проявленій, предметомъ научнаго изслѣдованія и политическихъ сужденій.

Не только въ протекшія времена, но и теперь, и въ своемъ непрерывномъ развитіи народная жизнь, какъ старается показать Ренанъ, пріобрѣтая все бо́льшую и бо́льшую свободу и независимость, продолжаетъ оставаться національной у всѣхъ почти народовъ Европы. Французы, Нѣмцы, Англичане, Русскіе и др. не утрачиваютъ своего существа и обличія, не становятся похожими другъ на друга, особенности каждаго народа не изглаживаются, а развиваются, углубляются и крѣпнутъ. Внимательный наблюдатель, видя въ смежной странѣ ту же внѣшность, ту же природу, тѣ же пути сообщенія, замѣчаетъ иной духъ, другой характеръ населенія, иные нравы и обычаи и пр. Эти національныя особенности сдѣлались въ послѣднее время предметомъ изученія, ознакомленія и оцѣнки. Повсемѣстно, въ Европѣ въ крупныхъ центрахъ внимательный наблюдатель узнаетъ, что тамъ есть свои національные музеи, національныя картинныя галлереи и библіотеки, національныя академіи и матицы, которыя и носятъ на себѣ названіе національныхъ, согласно своему составу. Все это эмблемы національнаго типа жизни и такого же ея направленія. Наблюдая многое изъ классической, египетской и древневосточной жизни, изъ итальянской и эпохи возрожде-

нія вы встрѣтите также всюду и національные образцы (фламандская живопись, фландрская школа, французское, нѣмецкое, итальянское искусство). Ознакомьтесь съ тѣмъ, что является единственной, неподражаемой цѣнностью—хотя она и не имѣетъ названія—Третьяковская Галлерея въ Москвѣ, гдѣ собраны художественныя богатства русскаго генія, гдѣ сконцентрированъ національный психизмъ страны. Это уникумъ, не имѣющій себѣ въ свѣтѣ ничего равнаго. Здѣсь собраны всѣ русскіе таланты, и вамъ не нужно посѣщать коллекцій цѣлаго свѣта, какъ при изученіи Рафаэля, Рембранта, Дюрера и др. Русскіе таланты собраны въ одномъ городѣ, только крошечная часть всѣхъ богатствъ ушла въ Америку (коллекція В. В. Верещагина). Только скромный русскій человѣкъ додумался до осуществленія этой простой, оригинальной, неподражаемой мысли устроить національную сокровищницу народнаго духа. Таковы попытки увѣковѣчить успѣхи и особенности національнаго генія, національнаго развитія...

Но въ Европѣ, особенно за ея предѣлами, можно встрѣтить образцы иного типа этнической жизни, именно жизнь расовую, а не національную. Разница между обѣими существенна и очевидна.

Нація и раса—самыя реальныя и самыя безспорныя формы народной жизни и, можетъ быть, даже самыя распространенныя въ человѣчествѣ. Владимірь Соловьевъ допускаетъ еще одинъ, дальнѣйшій или высшій видъ, лежащій уже за предѣлами названныхъ двухъ—общечеловѣчность или всечеловѣчность. Отъ личности чрезъ національность къ общечеловѣчеству—гласитъ формула Соловьева. Если не принимать этой формулы въ расчетъ, такъ какъ она представляетъ собою скорѣе умозрѣніе и философское обобщеніе, нежели дѣйствительный этническій фактъ, имѣющій болѣе или менѣе широкое распространеніе среди людей, то безспорными реальностями

остаются только **раса** и **національность**, какъ главнѣйшія формы народной жизни, которымъ предстоитъ еще долгая будущность, особенно націямъ и національнымъ государствамъ, какъ предсказываетъ Ренанъ.

Чѣмъ же особеннымъ характеризуется нація и національныя государства, что придаетъ имъ такую устойчивость и силу?—Сліяніемъ составляющихъ ихъ народностей, отвѣчаетъ Ренанъ. Не истребленіемъ, не взаимнымъ подавленіемъ, не враждою, но именно **сліяніемъ частей**.

Какъ происходитъ сліяніе расъ, племенъ, этнографическихъ группъ, родовъ и проч., дающее въ результатѣ націю?—Этотъ важный біологическій и психологическій процессъ глубоко интересенъ и поучителенъ и находится на чредѣ всеобщаго вниманія, изученія и научныхъ разслѣдованій—со времени великой французской революціи, освободившей **человѣка**, а еще болѣе съ момента освобожденія Греціи и борца за это освобожденіе, Байрона. Въ этотъ историческій моментъ на человѣчество пахнула освѣжающая струя націонализма, и тогда началась въ первую очередь основательная пора глубокаго научнаго изученія пробуждавшихся австрійскихъ и балканскихъ славянъ, ставшихъ объектомъ классическихъ трудовъ Шафарика, Петермана, Гловацкаго, Миклошича, Вука Караджича, Ламанскаго, Срезневскаго и др. Эти научные труды исполнены по всѣмъ правиламъ филологіи и этнографіи и открыли новый міръ небольшихъ **національныхъ астероидовъ**,—угнетенныхъ, уничтожаемыхъ, но сильныхъ духомъ и сохранившихся чудомъ среди могущественныхъ своею силою и культурой нѣмцевъ и жестокихъ турокъ. Славянскія племена были первыя малочисленныя народности, поднявшія въ самомъ центрѣ Европы свою приниженную голову и свое близкое къ полной гибели этническое существованіе.

Сліяніе индивидуумовъ во-едино есть первый шагъ и первое проявленіе зачинающейся націи. Въ чемъ состоитъ

сліяніе?—Это культурное движеніе человѣческаго разума и воли, состоящее въ тонкой, проникновенной оцѣнкѣ каждымъ индивидуумомъ фактовъ и событій для направленія жизни всей расы по руслу физическаго самосохраненія и нравственнаго преуспѣянія. Это прогрессивный шагъ по историческому пути. Не всѣ расы и не всегда берутъ вѣрное направленіе, оттого упадокъ и гибель расъ и племенъ, равно какъ ихъ преуспѣяніе и сила принадлежатъ къ самымъ обычнымъ фактамъ и событіямъ исторіи! Славянскія племена сохранили, каждое свою территорію, свой языкъ, свою вѣру и свои душевныя особенности въ теченіе многихъ столѣтій при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нѣкоторыя погибли матеріально и духовно!

Объединенія и группировки представляютъ самое естественное явленіе въ жизни расъ, имѣющее цѣлью успѣшную организацію труда, но въ особенности задачу сохранить жизнь расы и обезпечить ея всесторонній прогрессъ—физическій и духовный. Примѣромъ подобнаго довольно частаго въ исторіи объединенія можетъ служить слитіе двухъ расъ—славянской и финской, давшее въ результатѣ новую народность—русскій народъ. Этотъ опытъ природы, совершившійся на глазахъ исторіи безъ насилія и безъ пролитія крови (Бестужевъ-Рюминъ), привелъ къ образованію новаго народа, обладающаго иными, притомъ лучшими качествами въ физическомъ и духовномъ отношеніи, чѣмъ тѣ составныя части, изъ которыхъ онъ возникъ. Послѣ этого достигнутый результатъ сталъ закрѣпляться путемъ наслѣдственности въ потомствѣ новой расы. Такой способъ возникновенья Руси относится ко всѣмъ ея племенамъ великорусскому, бѣлорусскому и южнорусскому, судя по одинаковому антропологическому составу всѣхъ названныхъ племенъ въ нынѣ живущемъ и старокладбищномъ контингентѣ (по антропологическимъ раскопкамъ). Такимъ образомъ, начало возникновенія русскаго народа было мир-

нымъ процессомъ! Столь-же мирнымъ было и свободное усвоеніе финнами славянскаго языка съ единовременнымъ забвеніемъ родного. Очевидно, финскій языкъ (агглютинативнаго типа языковъ) оказывался по своимъ свойствамъ и по своей психологіи болѣе труднымъ орудіемъ для выраженія мыслей, чѣмъ славянская рѣчь (принадлежащая къ инфлексіонному типу языковъ), почему естественнымъ образомъ финскій языкъ уступилъ мѣсто славянской рѣчи при первой встрѣчѣ съ нею.

Не всегда, однакоже, слитіе расъ для образованія націи протекаетъ такъ мирно, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. „Историческое изслѣдованіе, говоритъ Ренанъ, выводитъ на свѣтъ факты насилія, сопровождавшіе зарожденіе политическихъ формацій даже такихъ, послѣдствія которыхъ были благопріятными. Объединеніе всегда происходитъ болѣе или менѣе грубо: соединеніе сѣверной и южной Франціи было результатомъ истребленія и террора, продолжавшагося почти цѣлое столѣтіе“. „Многимъ странамъ, поясняетъ далѣе Ренанъ, не удалось то предпріятіе, которое съ такимъ удивительнымъ успѣхомъ довели до конца французскіе короли частью путемъ тираніи, частью — справедливости“. Но въ Венгріи Мадьяры и Славяне остались разъединенными до сего дня, не слившись въ одну націю. То же случилось и въ Богеміи, гдѣ нѣмецкій и чешскій элементы смѣшались какъ вода и масло въ стаканѣ, по словамъ Ренана, не давши слитія.

Франція стала націей и продолжаетъ быть таковой, хотя принципъ, ее создавшій, исчезъ, говоритъ Ренанъ; Швейцарія слилась въ одну націю, не смотря на различіе составляющихъ ее расъ, религій и языковъ. Австрія съ ея многими народами осталась государствомъ, а не націей, потому что ея народы разъединены, не слившись во едино. Слитіе различныхъ народностей въ одну націю—это свободный культурный шагъ частей, обезпечивающій имъ

выгоды или необходимость самосохраненія и духовнаго прогресса. Швейцарцы объединились въ націю, потому что дикая горная природа у всѣхъ и недоступность страны для завоеваній облегчало всему населенію общую задачу самосохраненія и поддержанія свободы, въ виду опасныхъ сосѣдей. Имя одного изъ первыхъ объединившихся кантоновъ (Швицъ) стало общимъ именемъ націи". Состоя первоначально изъ элементовъ Германской расы, Швейцарія присоединила къ себѣ впослѣдствіи и романскія части [1]). Подобнымъ образомъ сѣверо-восточное и юго-западное населеніе нынѣшней Россіи объединилось въ общую русскую націю актомъ Переяславской Рады, и это сдѣлано единственно въ интересахъ самосохраненія и обезпеченія духовнаго развитія частей, которое отъ того времени быстро пошло совмѣстными движеніями по одному изъ важнѣйшихъ этническихъ этаповъ—образованію литературнаго русскаго языка [1]). Недавнія попытки нѣкоторыхъ этнографическихъ и политическихъ утопистовъ стать на дорогѣ исторически создавшагося и законченнаго объединенія русскаго народа и изобрѣтеніе съ этой цѣлью неисторическаго названія украинцевъ для южнорусской вѣтви его нельзя признать ни научнымъ, ни удачнымъ или удавшимся. Но весьма поучительно, что соединеніе всѣхъ русскихъ племенъ въ одну русскую націю было мотивировано со стороны южноруссовъ сознаніемъ необходимости сохранить цѣлость своей угрожаемой религіи и народности—что подтверждено такимъ авторитетнымъ по этому вопросу ученымъ, какъ Драгомановъ, признавшимъ, что сохраненіемъ своей свободы и независимости южная Русь обязана Россіи. „Московское Царство, говоритъ онъ, все таки выполнило элементарную географическо-національную задачу Украины

[1]) Эд. Фриманъ. Общій очеркъ исторіи Европы. СПБ. 1880. стр. 144—150 и 173—174.

освобожденіемъ ея отъ ига Турецко-Татарскаго и отъ подданства Польскаго[1]).

Окрѣпшая русская національность ярко проявила себя, какъ естественно единая и недѣлимая во всѣ историческіе моменты особенно во время великихъ войнъ въ 1613, 1709-мъ, 1812—и равно вслѣдъ за объявленіемъ нѣмцами настоящей войны 1914 г. Единодушіе всей Россіи въ эти моменты не оставляетъ сомнѣнія въ одинаковомъ пониманіи и переживаніи великихъ событій всѣми частями единаго отечества. Въ этотъ моментъ Россія не отличалась отъ Англіи, Франціи, Германіи, какъ прочно сложившихся націй: вѣковыя психологическія усилія, сконцентрировались въ одномъ историческомъ моментѣ.

Въ созданіи русской національности сказались условія особенно благопріятныя для того сліянія, какое требуется самымъ существомъ этого таинственнаго акта природы и исторіи. Условія эти слѣдующія:

1, чистота расы и простота ея антропологическаго состава изъ двухъ слившихся изначальныхъ расъ почти въ равной пропорціи и также почти безъ другихъ примѣсей;
2, свобода объединенія, а не насиліе, не принужденіе или война (Бестужевъ-Рюминъ);
3, единство вѣры на всей широкой территоріи финнославянскихъ племенъ;
4, единство языка и, наконецъ,
5, общія историческія судьбы, которыя пережиты ядромъ націи и которыми прочно и равномѣрно сцементованы всѣ отдѣльныя части.

Христіанская вѣра греко-восточнаго исповѣданія съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ были одинаковыми по всему лицу русской земли (проф. Н. Костомаровъ[2]), что

[1]) Драгомановъ. Листы на Украйну и пр. стр. 85.
[2]) Проф. Н. Костомаровъ. Двѣ русскія народности.

въ соединеніи съ антропологической общностью привело къ принятію всѣми племенами одного общаго имени Русь взамѣнъ частныхъ наименованій: Поляне, Древляне, Кривичи, Радимичи, Сѣверяне, Вятичи и проч. Общее имя Русь усвоено всѣми племенами очень рано—еще въ предгосударственный періодъ народной жизни путемъ естественнаго, свободнаго соглашенія.

Три указанныхъ сейчасъ условія (единство вѣры, языка и общее имя) принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ мотивовъ, предрасполагающихъ расы и племена къ объединенію въ націю. Первое изъ нихъ — вѣра оказалось особенно могущественнымъ. Православная вѣра грековосточнаго исповѣданія глубоко проникла въ народное сознаніе, укрѣпила свойственную народу природную склонность къ труду, къ добросердечію и благотворительности. Голосъ духовенства и проповѣди имѣли силу и вліяніе (Епископъ Кириллъ Туровскій, Ѳеодосій Печерскій). Уже съ первыхъ временъ христіанства на Руси и далѣе во всѣ эпохи, вѣроятно вплоть до 18 вѣка, народъ охотно обращался къ церковному авторитету и духовенству не только по духовнымъ потребностямъ, но и во всѣхъ случаяхъ житейскихъ и общественныхъ затрудненій и недоумѣній, особенно по вопросамъ національнымъ. Не у бояръ и служилыхъ людей народъ искалъ совѣта и указаній, а у митрополитовъ, въ монастыряхъ, у игуменовъ. Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣлъ Сергій Радонежскій во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, какимъ авторитетомъ пользовался Московскій митрополитъ Филиппъ, а особенно патріархъ Гермогенъ въ смутное время и эпоху междуцарствія. Голосъ этого святителя управлялъ безраздѣльно душою народа и организовалъ общественное мнѣніе, а Гермогеновы грамоты были авторитетны для страны и превышали значеніе и силу офиціальныхъ лицъ и властей. Причина такого вліянія заключалась въ авторитетѣ религіи и честномъ

независимомъ мнѣніи представителей духовенства, чуждаго личныхъ интересовъ.

Если до 18-го вѣка объединенію славянскихъ племенъ содѣйствовало единство расы и единая вѣра, то съ 18-го вѣка крупное значеніе получило новое объединяющее начало—языкъ, литературное развитіе котораго изъ церковно-славянскаго и народнаго началось еще въ 17 вѣкѣ. Восемнадцатый вѣкъ—вѣкъ Ломоносова и рожденія Пушкина былъ тѣмъ періодомъ, когда русскій литературный языкъ проявилъ быстрое и могущественное поступательное движеніе и сталъ языкомъ національнымъ, на которомъ съ того времени говорятъ и пишутъ всѣ русскія племена. Въ этой работѣ участвовала личными силами вся этническая Русь, но особенно замѣтную роль играли представители южной Руси, гдѣ работа мысли и письменность возникли нѣсколько раньше (Кіево-Могилянская Коллегія и плеяда ея воспитанниковъ). Крупнымъ участіемъ южно-руссовъ въ созданіи литературнаго языка значительно предрѣшенъ вопросъ въ пользу великорусскаго нарѣчія, такъ какъ южноруссы не поставили на очередь собственную племенную рѣчь, но присоединились къ великорусскимъ товарищамъ мысли и слова. Первоначально, когда великорусская и южнорусская письменность носила печать близости къ древнему церковно-славянскому или книжному языку, т. е. въ 16—17 вѣкѣ, обѣ письменности обладали приблизительно равными шансами на первенство, но въ теченіе 18-го и началѣ 19-го вѣка совершилось обычное въ этнической исторіи событіе—выборъ одного изъ племенныхъ нарѣчій и возведеніе его въ рангъ общаго языка всѣхъ племенъ, или языка націи. Вѣроятныя причины такого направленія этнической жизни содержатся въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ одной сторонѣ психологическихъ основаніяхъ или обстоятельствахъ, а именно: въ появленіи четырехъ геніальныхъ (Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя), нѣсколькихъ

талантливыхъ людей (Жуковскаго, Тургенева, Аксакова) и цѣлой плеяды второстепенныхъ дѣятелей. За исключеніемъ Гоголя всѣ были великоруссы по рожденію. Вторымъ основаніемъ является свойственный великоруссамъ перевѣсъ воли, дающій успѣхъ во всякомъ дѣлѣ при равныхъ шансахъ ума и чувства. Хотя два послѣднія качества были въ перевѣсѣ у южноруссовъ, но они (южноруссы) уступили первую роль великоруссамъ и добровольно впряглись въ общую колесницу національной мысли, рѣшивъ тѣмъ незамедлительное наступленіе назрѣвшаго момента этнической психологіи—вопроса о литературномъ языкѣ. Помимо того, самая природа языка, т. е. его лингвистическія свойства и его психологія у обоихъ племенъ содѣйствовали могущественнымъ образомъ направленію событій. Появленіе южно-русскаго (украинскаго) языка на этническомъ полѣ Россіи, около столѣтія тому назадъ, уже не могло измѣнить судебъ даже въ тотъ моментъ, когда на горизонтѣ засвѣтилась яркая звѣзда Тараса Шевченко. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко выступилъ на литературное поприще какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вопросъ о литературномъ общерусскомъ языкѣ уже былъ разрѣшенъ исторіей въ пользу великорусскаго нарѣчія. Вопреки своему великому земляку Гоголю, который писалъ по-русски, Шевченко писалъ на обоихъ языкахъ—русскомъ и украинскомъ: обоими онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Его русская рѣчь также сильна и мѣтка, какъ и украинская поэтическая мова. Особенность поэтическаго дара Шевченка состоитъ въ томъ, что онъ глубоко чувствовалъ психологію языка и,—что еще важнѣе,—онъ чувствовалъ языкъ въ его историческомъ тысячелѣтнемъ потокѣ. Въ этомъ отношеніи Шевченко подобенъ Пушкину, который носилъ въ себѣ языкъ въ его долгомъ историческомъ теченіи и составѣ. Рѣчь Пушкина и поэтическая мова Шевченка—это не языки минуты, но голосъ и говоръ исторіи и психологіи языка. Оттого въ нихъ

чувствуется что-то обаятельное, глубоко и безконечно родное и въ то же время—торжественное и величаво-древнее. Близость психологіи обоихъ языковъ и ихъ многовѣковой исторической одежды чувствовалась писателями 18—19 вѣковъ, и это явилось вѣроятной причиной присоединенія украинцевъ-писателей къ дѣлу созданія общаго литературнаго русскаго языка. Такая тенденція, была ли она сознательной и преднамѣренной или инстинктивной и творческой,—представляется въ обоихъ случаяхъ естественной и согласной съ правдою жизни—той біологической правдой, которую природа проводитъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, содѣйствуя необходимому, но избѣгая роскоши..... Въ теченіе всего 19-го столѣтія не появлялось на Украïнѣ таланта, равнаго Шевченку. Онъ остался единственнымъ!

Движеніе, связанное съ именемъ Шевченко, извѣстное подъ названіемъ украинства [1]), (Наукове Товариство имені Шевченка во Львовѣ) въ значительной степени утратило характеръ литературнаго движенія, отклонившись въ плоскость политическихъ аспирацій... Жизнь пошла по другому руслу... Будущее выяснитъ, куда направились ея пути!...

Поэтическая Украйна, идеально чуткая по своей этнической психологіи, выразила въ одномъ изъ народныхъ произведеній литературно-музыкальнаго характера тихую глубокую грусть разлуки, невозвратной утраты и въ то же время черты возвышеннѣйшаго примиренія съ совершившимся—безъ жалобъ и безъ ропота, но во всѣхъ терминахъ величія духа и человѣческаго долга!... Такая сложная эмоція, созрѣвшая въ народной душѣ, указываетъ на умѣнье примириться съ условіями жизни—семейными, бытовыми, можетъ быть, политическими, но примириться на почвѣ долга и во всеоружіи величія духа. Разбираемая сложная эмоція, какъ все художественное, но-

[1]) И. Сикорскій. Русскіе и Украинцы. Кіевъ, 1913.

ситъ печать жизненной драмы. Одаренное южно-русское племя показало въ своей поэзіи образцы заготовленныхъ душевныхъ напряженій, предназначенныхъ для исполненія высшаго долга. Примѣромъ подобнаго поэтическаго этюда можетъ послужить текстъ и музыкальный мотивъ пѣсни:

Ой у поли озерце,
Тамъ плавало відерце:
Соснови клепки, а дубове денце —
Не цураймося, серце!
и т. дал.

Такими образцами высокопробной этнической психологіи богата южно-русская народная поэзія. Существованіемъ подобной психологіи облегчается путь перехода отъ естественныхъ чувствъ къ чувству долга—отъ племенного въ національное состояніе.

Ренанъ, въ своей лекціи, излагая процессъ перехода расъ и племенъ въ націю, показываетъ, что тѣ напряженія и та эмоція, которая для этого необходима, должна предшествовать національной фазѣ жизни. Оттого, тѣ расы и племена, которымъ чужда такая эмоція, или у которыхъ она слабо развита, находятся на низшей степени духовнаго развитія, и для нихъ еще не наступила пора національнаго состоянія. „Человѣкъ, говоритъ Ренанъ, не появляется сразу: нація, какъ и индивидуумы, это результатъ продолжительныхъ усилій, жертвъ и самоотреченія". „Героическое прошлое, великіе люди, слава—вотъ главный капиталъ, на которомъ основывается національная идея; нація—это великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже принесены гражданами и на которыя они готовы и въ будущемъ". Таковъ взглядъ Ренана на сущность вопроса о націи или народѣ. Особенно важно освѣтить ту сторону, на которую Ренанъ обращаетъ преимущественное вниманіе. „Сущность націи, говоритъ онъ, въ томъ и состоитъ, что индивиды, ее составляющіе, имѣютъ между собою много

общаго, но забыли многое, что ихъ разъединяетъ". Это важнѣйшее психологическое требованіе представляетъ съ перваго раза какую то парадоксальность: невозможно, въ самомъ дѣлѣ, удалить изъ памяти то, что въ ней хранится. Но, съ другой стороны, возможно усиліями воли погасить часть остроты событія или факта, который мы хотя и помнимъ нашимъ умомъ и нашей памятью, но подавляемъ во имя требованій многоцѣнной для насъ высшей жизни, успѣхъ и цѣли которой мы ставимъ впереди всего. Мы не станемъ входить въ психологію этого высокаго процесса, скажемъ только, что онъ возможенъ: мы подавляемъ боль во время операціи, терпимъ обиду, становимся выше непріятныхъ для насъ фактовъ. Русскій воинъ удивляетъ иностраннаго наблюдателя своимъ терпѣніемъ при хирургической операціи, а его незлобивость въ отношеніи врага, его забота о раненомъ или плѣнномъ врагѣ стала общеизвѣстной и легендарной съ давнихъ временъ и вновь утвердилась въ настоящей войнѣ. Такова національная доблесть русскаго народа не только въ качествѣ воина, но и въ роли гражданина. Эти черты національной души столь безспорны, что вошли даже въ поговорку, которою хорошо иллюстрируется скрытый въ ней тонкій психологическій смыслъ. Получивъ обиду или будучи жертвой несправедливости, русскій говоритъ: пусть его (обидчика) Богъ накажетъ. Такимъ образомъ, свое естественное, напрашивающееся въ душѣ отмщеніе русскій человѣкъ, по своему національному характеру, отдаетъ на волю высшаго существа, показывая тѣмъ, что лично у него вопросъ ликвидированъ. Возвышенная эмоція примиренія, образецъ которой нами указанъ выше въ народной пѣснѣ южноруса, служитъ яркимъ показателемъ того богатаго инвентаря, какой свойственъ этнической психологіи южноруссовъ. Но чувство примиренія, миролюбія, забвенія зла свойственно и другимъ русскимъ племенамъ, судя по приведенной сейчасъ великорусской

(вѣрнѣе—общерусской) поговоркѣ. Если славянамъ, тѣмъ не менѣе, свойственна традиціонная славянская рознь, такъ долго губившая славянъ, то, съ другой стороны, данныя этнической психологіи несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что въ славянской душѣ въ особенности общерусской, уже возникло, воспитывается и наростаетъ высоко культурное сознательное чувство примиренія, богатое практическими перспективами. Несомнѣнно, что русскій народъ уже издавна практикуетъ уступчивость. Миролюбіе, согласіе и слѣды этихъ усилій запечатлѣны въ народной поэзіи, въ пословицахъ и поговоркахъ, въ памятникахъ народной мудрости. А всего ярче эти слѣды сказались въ созданіи народнаго характера, исполненнаго чувства мира, безкорыстія и нравственнаго величія, которое такъ очевидно проявляетъ себя въ историческія минуты народныхъ бѣдствій и народнаго долга. Въ настоящее время это стало ясно очевиднымъ и для культурнѣйшихъ народовъ Европы!

Появленіе русскаго національизма на горизонтѣ русской жизни, если нельзя признать новымъ по существу, то вполнѣ благовременнымъ и естественнымъ особенно въ то время, когда усилилась идея національнаго самоопредѣленія въ глубинѣ народнаго сознанія многихъ племенъ и народовъ, населяющихъ Россію. Болѣе близкое и болѣе углубленное изученіе этихъ народностей есть одинъ изъ надежныхъ путей того согласія и объединенія, которое требуется самой сущностью жизни Россіи. Въ ней не можетъ быть разброда и разъединенія, она должна быть единой и сильной. Таковъ голосъ самой страны, таковы могучія велѣнія исторіи, которая сказала свое послѣднее строгое слово, показавъ человѣчеству опасности милитаризма и великія блага всеобщаго мира, широкаго единенія народовъ, ихъ самопознанія и взаимной самопомощи. Необходимо, по слову Ренана, забыть многое разъединяющее людей и твердо помнить то немногое, что достигается согласіемъ, миромъ,

единеніемъ. Остальное будетъ дано отдѣльными усиліями отдѣльныхъ народовъ, племенъ и дробныхъ единицъ.

Теперь передъ націонализмомъ открываются новыя задачи. Онъ долженъ распознать, изучить, примирить различныя части, долженъ сорганизовать крупныя глыбы, предоставивъ подробности заботамъ и усиліямъ отдѣльныхъ единицъ и малыхъ чиселъ. Вся работа должна быть основана на расчетѣ, на истинѣ и правдѣ, должна быть вѣрна и точна, какъ наука, какъ прицѣлъ современнаго орудія, правдива, какъ тотъ идеальный всеобщій миръ, къ которому стремится человѣчество, утомленное милитаризмомъ. Задача широкая и нелегкая, но только такая можетъ быть необходимой. Все неточное, мелкое, сомнительное должно быть отброшено. Весь путь долженъ быть прямымъ, но не прямолинейнымъ. Націонализму можно не быть партіей, но онъ долженъ существовать, какъ справочный объединяющій стратегическій органъ русской земли, которая честна, уступчива, идеальна, но не всегда въ такой степени практична, какъ того требуютъ текущія времена и окружающіе нравы.

Весьма благопріятной особенностью для Россіи и ея народа является обширная изобильная территорія съ обезпеченными границами и съ юнымъ среди человѣчества населеніемъ, исторически составленнымъ на двѣ трети изъ однородной русской православной тысячелѣтней семьи, много испытанной, но закаленно-прочной, которая съ недавняго срока увеличилась на одну треть разными вольными и невольными присоединеніями иноплеменныхъ прибавокъ, называемыхъ инородческими, большая часть которыхъ уже вошли въ составъ русскаго народа, объединивъ и связавъ себя съ нимъ многими точками и отношеньями, какъ языкъ, школа, законы, судъ, управленіе, защита отечества и историческія судьбы, которыя въ послѣднее столѣтіе переживались всѣми совмѣстно съ Россіей. Общія историческія переживанія не могли быть численно

значительными по относительной недавности присоединеній и совмѣстной жизни, такъ какъ большую часть своей исторической жизни (около тысячи лѣтъ) русскій народъ прожилъ одинъ до періода главнѣйшихъ территоріальныхъ и этническихъ приращеній. Такимъ образомъ, двѣ трети всего населенія Россіи представляетъ крупнѣйшую въ мірѣ этническую группу—единую по антропологическому составу и происхожденію, единую по вѣрѣ и языку и весьма близкую по своему духовному складу, по пережитымъ историческимъ судьбамъ. Одна же третья часть имѣетъ иное происхожденіе, другой этническій составъ и различныя историческія судьбы. Эта часть населенія еще находится въ періодѣ переживаемаго, но незаконченнаго процесса національнаго объединенія съ русскимъ народомъ, понимая слова: національный, нація въ смыслѣ, какой придается имъ Ренаномъ. Этому объединенію необходимо помогать и всемѣрно содѣйствовать. Это должно стать главной задачей націоналистовъ. Націонализмъ, какъ сообщество, какъ дѣятельная соціальная или соціально-психологическая сила, долженъ стремиться объединить всѣхъ, однакожъ не въ одно племя или одну партію (Боже храни!), но согласить всѣхъ въ единое отечество, гдѣ сходятся высшіе интересы, высшія цѣли и высшая жизнь, для всѣхъ одинаково цѣнная, дорогая и необходимая—жизнь мира и прогресса. Этой жизни націонализмъ долженъ помогать, не беря на себя другихъ задачъ и уклоняясь отъ полемики.

Ближайшей задачей русскаго націонализма можетъ быть изученіе какъ русскаго народа, такъ и другихъ, соединенныхъ съ нимъ въ общемъ отечествѣ національностей и племенъ—для дѣла согласованія и мира. Изученіе или познаніе себя и другихъ облегчитъ задачи объединенія. Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто предполагаемое Ренаномъ забвеніе одного и крѣпкое памятованіе другого. Память протекшаго историческаго

существованія народа есть вѣрная порука дальнѣйшаго здраваго пониманія и направленія жизни, потому что жизнь страны течетъ не только днями и годами, но столѣтіями и тысячелѣтіями. Эту вѣковую память должно носить въ душѣ страны, поддерживать и укрѣплять. Тѣ части общаго отечества, тѣ группы и племена, которыя все пережили въ своей исторической тысячелѣтней памяти, могутъ быть лучшими совѣтниками будущихъ путей. Вновь присоединившіеся въ великому отечеству могутъ узнать необходимое изъ устъ другихъ, и, еще лучше, изъ устъ безстрастной исторіи.

Историческое изученіе всѣхъ частей страны, всѣхъ народовъ и племенъ великаго отечества—важный и непремѣнный долгъ націоналистовъ. Тогда политика страны не будетъ удѣломъ смѣняющихся поколѣній, но будетъ дѣломъ медленнѣе мѣняющейся, болѣе дальновидной, но болѣе осторожной—исторіи и ея завѣтовъ.

На русскихъ націоналистахъ лежитъ долгъ всесторонняго изученія русскаго народа и тѣхъ народовъ, расъ и племенъ, которые входятъ въ составъ государства. Такое изученіе необходимо въ интересахъ содѣйствія примирительному и мирному объединенію всѣхъ въ единое народно-государственное цѣлое. Надлежитъ собрать возможно точныя научныя свѣдѣнія и справки, касающіяся исторіи, быта, этнографіи и свойствъ всѣхъ изучаемыхъ группъ. Подобное объективно-документальное освѣдомленіе съ живымъ этническимъ контингентомъ націи можетъ быть полезно для обѣихъ сторонъ—русскихъ и инородцевъ и будетъ содѣйствовать общей благой цѣли при устраненіи взаимныхъ недоразумѣній и предразсудковъ. Возможные недочеты, ошибки и заблужденія могутъ быть легко устранены при гласномъ ходѣ дѣла и участіи интересующихся и заинтересованныхъ людей и группъ. Если результаты работъ будутъ опубликованы, а

самое дѣло выльется въ систематическую и непрерывную работу—это будетъ истинной услугой, какъ задачамъ русскаго націонализма, такъ и русскому обществу въ широкомъ смыслѣ. Примѣромъ предполагаемыхъ свѣдѣній и справокъ могли-бы послужить предлагаемыя примѣрныя замѣтки, ежегодно расширяемыя, пополняемыя, улучшаемыя.

Населеніе земнаго шара, разсматриваемое примѣнительно къ интересамъ русскаго націонализма можетъ быть представлено въ слѣдующемъ краткомъ исчисленіи по его главнымъ вѣтвямъ, согласно даннымъ Королевскаго Лондонскаго Географическаго Общества.

При населеніи земнаго шара въ круглыхъ цифрахъ въ полтора милліарда душъ числится:

Хамитовъ	20	милліоновъ
Семитовъ	25	„
Малайцевъ	30	„
Негровъ	100	„
Монголовъ	400	„
Арійцевъ	800	„

Изъ таблицы видно, что Арійцы занимаютъ въ численномъ отношеніи первое мѣсто, но они обладаютъ, въ то же время, самой высокой интеллигенціей, самой тонкой проницательностью и самымъ далекимъ предусмотрѣніемъ. Господство Арійцевъ надъ міромъ изъ года въ годъ наростаетъ и ширится. Очевидно, что оба факта между собой связаны, т. е. высшія нравственныя достоинства Арійцевъ обезпечиваютъ имъ силу, господство на землѣ и самое возрастаніе въ числѣ. Хамитовъ и Малайцевъ мы исключаемъ изъ нашего разсмотрѣнія, такъ какъ эти представители человѣчества живутъ вдали отъ Россіи, не имѣютъ съ нею непосредственнаго соприкосновенія и сношеній и не входятъ въ кругъ ея матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ. Почти то же должно быть сказано и относительно Негровъ; остальныя-же вѣтви человѣческаго рода смежны

съ Русскимъ народомъ какъ топографически, такъ и духовно: живутъ и движутся совмѣстно съ нимъ. Неизбѣжныя при этомъ взаимоотношенія должны быть предметомъ разсмотрѣнія, оцѣнки и вытекающихъ изъ того жизненныхъ директивъ для рускихъ націоналистовъ. Но въ виду того, что Русское населеніе Россіи представлено численно двумя третями, а инородческое только одной третью, перевѣсъ долженъ быть уравновѣшенъ уступчивостью и уваженіемъ правъ меньшинства, чтобы согласіе и единеніе, какъ основныя требованія національнаго принципа (Ренанъ), не нарушались. Поэтому главнѣйшей директивой русскаго національзма должно быть живое, проникновенное убѣжденіе, что всѣ мы русскіе граждане при всѣхъ нашихъ различіяхъ не перестаемъ быть людьми или, перефразируя, нашу мысль словами извѣстнаго французскаго астронома Камилла Фламаріона, можемъ сказать: Русскіе ли мы или иные, живемъ ли въ Петроградѣ, Парижѣ или Пекинѣ—всѣ мы жильцы той-же планеты, всѣ одинаково состоимъ пассажирами одного и того же корабля, который несется въ безконечное пространство, въ вѣчность!...

Русскіе принадлежатъ къ Арійцамъ (см. ниже) и составляютъ девятую часть ихъ. Среди Арійцевъ русскіе являются одной изъ наиболѣе однородныхъ группъ. Русскихъ обыкновенно дѣлятъ на Великоруссовъ, Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ. Такое дѣленіе должно признать не вполнѣ правильнымъ, исторически невѣрнымъ и неусвоительнымъ (Костомаровъ), напоминающимъ, по словамъ Костомарова, книжную и канцелярскую терминологію. Наименованіе русскій вполнѣ достаточно по своей естественности, исторической вѣрности и простотѣ. Терминъ, введенный въ недавнее время для Южноруссовъ—Украинцы, противорѣчитъ терминологіи Костомарова, который пользовался терминомъ—Южноруссы, хотя и этотъ терминъ, онъ признаетъ неподходящимъ для обыденной народной

рѣчи, носящимъ отпечатокъ продуманности и ученой вычурности. Слово Украинцы, еще болѣе нежели слово Южноруссы, отступаетъ отъ правды и естественности, умаляя и сокращая своими звуками содержаніе предмета. Какъ Южноруссы, такъ Великоруссы и Бѣлоруссы произошли антропологически отъ кровнаго слитія финновъ и славянъ, взятыхъ въ различныхъ, но весьма близкихъ пропорціяхъ[1]), при самой незначительной примѣси иной крови. Отсюда происходитъ однородность антропологическаго (племенного) состава и склада и вытекающая изъ него близость и однородность этнической психологіи съ склонностью къ объединенію. Этому особенно содѣйствовали свойства занимаемой территоріи (равнина) и одинаковыя историческія судьбы, требовавшія объединенныхъ усилій для защиты занимаемой территоріи, цѣлость которой обезпечиваетъ населенію не только необходимый кровъ и пропитаніе, но также даетъ свободу воли и національнаго самоопредѣленія. Оттого родина и отечество стали синонимами физической и духовной независимости. Послѣднее условіе было главной причиной присоединенія южной Руси къ Московскому царству въ 1654-мъ году. То же стало неизбѣжно необходимымъ въ наши дни для царства Польскаго, населенію и самой территоріи котораго грозила неминуемая опасность отъ грабительскихъ намѣреній Германіи. Объединеніе однородныхъ и близкихъ духу расъ, племенъ и народовъ стало почти неизбѣжнымъ для самосохраненія малыхъ народовъ съ ихъ территоріями, ибо утрата отечества въ наши дни является величайшимъ бѣдствіемъ.

Необходимыя справочныя свѣдѣнія для русскаго на-

[1]) Подробности можно найти въ моей брошюрѣ: И. Сикорскій, Русскіе и Украинцы. Кіевъ 1913 г. Также въ сочиненіи И. Сикорскій, Всеобщая Психологія въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ 1912 г. изд. второе, премированное.

ціоналиста могутъ быть продставлены въ слѣдующихъ замѣткахъ:

1. Аджарцы см. Грузины.

2. Айны см. Японцы (по обширности предмета въ нашу тему прямо не входятъ).

3. Арабы. Одна изъ малыхъ вѣтвей человѣчества, состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ племенъ — собственно Арабовъ и Евреевъ. Вмѣстѣ взятыя обѣ эти расы называются общимъ именемъ Семитовъ; на долю общей имъ вѣтви приходится до 25 милліоновъ контингента, при чемъ меньшую часть составляютъ собственно Евреи, а большую— Арабы. Обѣ части различаются и своей психологіей, и своими историческими судьбами. Общей родиной ихъ является Аравія. Арабы долгое время сохраняли самостоятельность. Главные города страны Мекка и Медина. Большая часть Арабовъ ведутъ и вели издавна кочевую жизнь, меньшая— земледѣльческую. Какъ вѣтвь человѣчества, Арабы отличаются расовой одаренностью и, по временамъ, ихъ умственное развитіе достигало значительнаго уровня. Особый духовный подъемъ явился съ принятіемъ ислама. Арабы имѣли поэзію. Излюбленная часть ея состояла изъ притчей и поученій, басенъ, сказокъ (Тысяча и одна ночь), съ развитой фантазіей и сильнымъ настроеніемъ. Изъ наукъ процвѣтали у Арабовъ исторія, географія, путешествія (даже по странамъ, гдѣ теперь Россія), юриспруденція, философія (хорошее изученіе Аристотеля), медицина, филологія (словари) и астрономія — многія названія звѣздъ даны Арабами. Во всѣхъ этихъ областяхъ знанія Арабы достигли значительной высоты. Будучи знакомы съ классической философіей и медициной раньше Европейцевъ, Арабы знакомили съ ними европейцевъ посредствомъ переводовъ на распространенный тогда латинскій языкъ. Оттого арабскій языкъ и арабскіе сборники и компиляціи играли роль въ средневѣковой учености Европы, а арабскій

языкъ получилъ значеніе общераспространеннаго языка, подобно такой же роли латинскаго языка впослѣдствіи. Арабы были талантливыми компиляторами и явились одними изъ первыхъ проводниковъ науки отъ Грековъ и Римлянъ въ Европу. Съ принятіемъ ислама Арабы обнаружили завоевательную дѣятельность (Сѣверная Африка, Испанія и т. дал.). Въ настоящее время раса, сохраняя въ общемъ свою расовую одаренность и умъ, стоитъ значительно ниже другихъ народовъ (Арійцевъ), которые опередили Арабовъ своей даровитостью и успѣхами. Другая вѣтвь Семитовъ (Евреи), сохраняя въ основѣ общую Семитамъ расовую одаренность при той же постройкѣ ума, пошла инымъ путемъ (см. ниже).

4. Арійцы принадлежатъ къ самымъ талантливымъ вѣтвямъ человѣчества, отличаются силой и глубиной дарованій, широтой и разностороннимъ развитіемъ способностей, при врожденномъ идеализмѣ и идеальномъ направленіи жизни. Въ этомъ смыслѣ съ Арійцами несравнима ни одна изъ вѣтвей человѣческаго рода. Одаренность Арійцевъ укрѣпила за ними первую роль въ духовномъ руководительствѣ народами и въ обладаніи міромъ. При тонкости своего ума Арійцы глубоко проникли въ существо вещей, способны къ наукамъ и искусствамъ, вѣрно предусматриваютъ отдаленное будущее и подготовляютъ за долгія времена соотвѣтственныя тому мѣры и дѣйствія. Свойственный же имъ идеализмъ даетъ разумѣніе и силу для идейной организаціи будущаго прогресса человѣчества. Арійцы создали образцовыя литературы, музеи, книгохранилища, картинныя галлереи, школы, всякаго рода правительственныя учрежденія, академіи, общества для усовершенствованія жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Сообразно этимъ идейнымъ программамъ они осуществили на дѣлѣ правый судъ и хорошее законодательство. Арійцы созидаютъ и постоянно совершенствуютъ всю внѣшнюю обстановку человѣческаго общежитія сообразно требованію науки, искусствъ и жизненнаго опыта.

Вся ихъ жизнь во всѣхъ своихъ шагахъ обращена въ искусство жизни, всесторонне управляемое наукой, художествами, гигіеной и техникой, при постоянныхъ заботахъ объ отдаленномъ будущемъ. Почти всѣ арійскіе народы ведутъ жизнь по національному типу; такая жизнь, по мнѣнію Ренана, имѣетъ шансы удержаться и въ будущемъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Пока національная жизнь, устанавливавшаяся постепенно у разныхъ народовъ Европы, не достигла степени сознательности, выдающіеся арійскіе умы этихъ народовъ слѣдовали историческимъ образцамъ сошедшихъ со сцены Греческихъ и Римскихъ арійцевъ (въ эпоху Возрожденія—Ренанъ)—что нѣкоторыми авторами принимается за всечеловѣчность или общечеловѣчность.

5. Армяне, живутъ въ горной странѣ (отъ $^3/_4$—1 версты высотой), раздѣлены политически между Россіей, Турціей и Персіей. Армяне принадлежатъ къ арійской вѣтви человѣчества. Они устойчивы по своему антропологическому складу и характеру. За время своей долгой исторіи жили одно время собственнымъ независимымъ царствомъ, но большую часть времени провели въ зависимости отъ другихъ народовъ: Византіи, Римлянъ, Ассиріи, Мидіи, Персіи, Сиріи. Часть Армянъ живетъ разсѣянно по разнымъ странамъ. Въ концѣ III вѣка Армяне приняли христіанство. Ведутъ національную жизнь и издавна имѣютъ свой языкъ, свою оригинальную и переводную литературу, рано были знакомы съ Римской и Греческой классической литературой. Привязаны къ своей странѣ, защищаютъ ее, какъ свое отечество.

6. Грузины--народъ Арійской вѣтви, живутъ на Кавказѣ — въ центрѣ и западномъ Закавказьи, состоятъ изъ Грузинъ собственно, Грузинскихъ Горцевъ, Имеретинъ, Гурійцевъ, Аджарцевъ и др. Языкъ у всѣхъ общій, живутъ національно, ведутъ осѣдлую жизнь, христіанство приняли

въ 4-мъ вѣкѣ, имѣютъ довольно большую литературу, много историческихъ, особенно христіанскихъ памятниковъ. Занимаются земледѣліемъ. Одно время жили самостоятельной политической жизнью, потомъ покорены Турками, присоединены къ Россіи въ 1801 году по желанію своего царя изъ за притѣсненій Персіи. Природа Грузіи и Кавказа и ея народностей воодушевила Лермонтова на рядъ высоко художественныхъ описаній.

7. Евреи существенно отличаются отъ Арійцевъ. Они, какъ и Арабы, относятся къ Семитамъ, первоначальная родина которыхъ Аравія. Отсюда они вышли въ Малую Азію и прожили тамъ нѣкоторое время. Послѣ разрушенія Титомъ Ерусалима, Евреи были выселены изъ Палестины и распространились по всему лицу земли. Причиной этому было не одно только насиліе Рима. Уже за много столѣтій раньше началось добровольное разселеніе Евреевъ по различнымъ странамъ побережья Средиземнаго моря, т. е. совершалось то же явленіе, которое происходитъ и до сего дня. Это была не діаспора, т. е. разсѣяніе, а скорѣе эмиграція, т. е. разселеніе, присущее этому племени по его натурѣ. Свойство это названо у проф. Вармунда[1]) кочевничествомъ или бродячей жизнью. (Nomadenthum). Такая жизнь присуща всѣмъ вообще Семитамъ, а у Евреевъ проявилась съ особенной силой послѣ паденія Тира и вызваннаго этимъ паденіемъ перехода торговли въ ихъ руки. Двѣ тысячи лѣтъ не только ничего не измѣнили, но твердо закрѣпили подвижную и передвижную жизнь Еврея, сдѣлавъ ее унаслѣдованнымъ расовымъ качествомъ. Въ Европу Евреи постоянно переселялись по двумъ дорогамъ — по сѣверному побережью Средиземнаго моря, черезъ Гибралтаръ, и ближайшимъ путемъ черезъ Кавказъ, а потомъ

---

[1]) Wahrmund. Ad. prof. Das Gesetz des Nomadenthums и пр. Karlsruhe und Leipzig. 1887.

Еврейство постепенно просачивалось въ поры Европейскихъ народовъ.

Евреи не ведутъ національной жизни, но расовую. Раса есть низшая, элементарнѣйшая форма народной жизни; такой она была издавна у Евреевъ, такой остается и теперь, не переходя въ высшіе разряды. Формула Владиміра Соловьева: отъ личности черезъ національность къ общечеловѣчеству, не имѣетъ мѣста для Евреевъ — они не перестали быть расой до сего дня. Попытка Сіонистовъ — поднять Евреевъ до высоты націи содѣйствіемъ развитію у нихъ языка и національнаго характера не имѣла успѣха, такъ-же, какъ и стремленіе ихъ обратить своихъ единовѣрцевъ къ осѣдлой жизни на опредѣленной территоріи (Палестина, Уганда и др.). Передвижную жизнь Евреевъ можно поэтому, вмѣстѣ съ Вармундомъ, признать за кочевое или полукочевое состояніе, которое останется, вѣроятно, на долгія времена прочной, не обѣщающей перемѣны формой народной жизни. Кочевая жизнь, кромѣ Евреевъ, свойственна Арабамъ (бедуинамъ), туранцамъ, цыганамъ и др. Чертою осѣдлости, какъ дѣлается въ Россіи, едва ли удастся разомъ остановить расовой потокъ, хотя такой потокъ и противорѣчитъ интересамъ осѣдлой жизни встрѣчаемыхъ народовъ.

Расовая жизнь, какъ низшая ступень общественности, застывшей въ своемъ движеніи, и какъ первопричина культурной задержки духа, должна быть перейдена и пройдена—только тогда возможны дальнѣйшіе шаги. Въ этомъ смыслѣ усилія еврейскихъ націоналистовъ (сіонистовъ) имѣютъ глубокій смыслъ. Между тѣмъ, пока націонализмъ не наступилъ, неизбѣжны и неустранимы всѣ послѣдствія остановки въ ходѣ этнической эволюціи. Главнѣйшимъ изъ нихъ является слабость идеализма, свойственная теперь еврейской расѣ. Эта слабость составляетъ то острое ребро, которое чувствуется какъ евреями, такъ и осталь-

ными народами уже при первой встрѣчѣ. Сравненіе двухъ жизней — расовой и національной тотчасъ раскрываетъ ихъ разницу, какъ песокъ, попавшій въ механизмъ машины или какъ привкусъ въ пищѣ. Но было-бы безполезно порицать случайно встрѣтившихся людей расы или представителей національной жизни въ ихъ невольныхъ жестахъ или крайностяхъ. Не въ крайностяхъ дѣло! Необходимо, чтобы обѣ стороны понимали самое существо предмета. Мѣры еще впереди!

Въ основныхъ чертахъ раса и нація различаются въ слѣдующемъ. Возьмемъ для примѣра представителей любой націи и сравнимъ съ ними людей, которыхъ Кантъ называетъ „живущими среди насъ палестинцами". Эти палестинцы ведутъ типичную расовую полукочевую жизнь.

I. Люди расы видятъ предъ собою ближайшую будущность, какъ о нихъ выражается Гете, — это люди живущіе интересами минуты и наполненные ея содержаніемъ. Народы національнаго типа, напротивъ, усматриваютъ далекія, иногда весьма отдаленныя перспективы и къ нимъ направляются;

II. Одни—реалисты, практическіе люди, со слабымъ или по крайней мѣрѣ не всегда выдержаннымъ идеализмомъ. Другіе—съ болѣе или менѣе высокимъ идеализмомъ, составляющимъ центръ ихъ жизни и главную направляющую силу ихъ существа;

III. Одни не дорожатъ территоріей, гдѣ живутъ, не смотрятъ на нее, какъ на отечество, какъ на постоянное мѣсто своего жительства и, ведя жизнь полукочевую, не склонны защищать отечество. Другіе высоко цѣнятъ жизнь осѣдлую, дорожатъ родиной, и готовы ее отстаивать, какъ самую жизнь, усматривая въ постоянной территоріи обезпеченіе нетолько своего настоящаго, но и будущаго, которое ими предусматривается не рѣдко до весьма далекихъ предѣловъ. Это люди будущаго!

IV. Одни видятъ въ территоріи свою родину, свое отечество, обезпечивающее ихъ не только жительствомъ, но и возможностью проводить въ жизнь свою волю, свой идеализмъ, осуществлять свою высшую жизнь, свой духовный прогрессъ. Другіе, наоборотъ, видятъ въ территоріи скорѣе мѣсто заработка или выгодное помѣщеніе капитала, чѣмъ нравственную цѣнность, и готовы за хорошую цѣну продать собственность, уступить за большія деньги хоть и Дрезденскую Галлерею, если-бы распоряжались ею, какъ собственностью.

V. Одни, дорожа территоріей, улучшаютъ ее путями сообщенія, каналами, дорогами, музеями, картинными галлереями, библіотеками, разными учрежденіями и школами; стремятся обезпечить родину законами, правосудіемъ и дорожать — окружить ее ореоломъ достоинства и чести. Другіе смотрятъ на жизнь просто, выключая изъ нея всякіе идеализмы и всякое углубленное пониманіе, по гораздо болѣе склонны устраивать акціонерныя предпріятія, учреждать банки и банковыя конторы, усматривая въ нихъ главное въ жизни, а въ идеализмѣ второстепенное. Они не объемлютъ жизнь во всей ея широтѣ, но выхватываютъ изъ нея нѣчто и живутъ этимъ нѣчто — этимъ немногимъ нагляднымъ и ощутимымъ содержаніемъ.

VI. Такимъ образомъ въ жизни расъ и въ жизни націй осуществляются два различные плана, двѣ программы, два принципа. Въ этомъ состоитъ главнѣйшее отличіе расъ отъ націй. Все еврейство (палестинцы) напоминаетъ собою классовой типъ, составленный изъ немногихъ однородныхъ профессій, всего болѣе торговцовъ и посредниковъ и врядъ ли могло бы составить самостоятельное государство. Проведенное время, двѣ тысячи лѣтъ, въ странной роли посредника или промежуточнаго человѣка наложило на Евреевъ свою особую, исключительную, своеобразную печать.

Въ расахъ (палестинцы) на первомъ мѣстѣ постав-

лено стремленіе жить по возможности хорошо, съ цѣлью обезпечить личности долголѣтіе, а всему роду многочисленное потомство („какъ звѣзды на небѣ, какъ песокъ на берегу моря“) — съ упроченіемъ средствами существованія, добытыми, хотя-бы то въ нарушеніе правды и общечеловѣческаго долга. Въ планахъ жизни націй — первое мѣсто дается истинѣ, правдѣ и внутреннему міру (внутреней правдѣ). Согласно расовой программѣ численное увеличеніе расы и накопленіе для нея богатствъ признается конечной цѣлью жизни. По національной же программѣ усовершенствованіе самой націи посредствомъ наукъ, искусствъ, учрежденій и высшей нравственности, ведущее къ безграничному расширенію индивидуализма на пользу личности и всего человѣчества составляетъ конечную цѣль. Обѣ программы существенно разнятся прежде всего своими размѣрами. Первая изъ нихъ есть программа частичная, съуженная и годится развѣ для групповыхъ или классовыхъ надобностей, но не можетъ быть признана ни за общечеловѣческую, ни за національную. Съ такой программой ни народъ, ни племя прожить не могутъ, не испытывая душевнаго голода и не заимствуясь у сосѣдей: самобытное существованіе при такой программѣ совершенно невозможно. Но на самомъ дѣлѣ жизнь палестинцевъ, разсѣянныхъ между другими народами, движется по такой узкой дорогѣ. Неудивительно поэтому, что философская мысль Канта затруднилась наименовать Евреевъ націей, народомъ или племенемъ и остановилась на этническомъ и территоріальномъ терминѣ — палестинцы. Всѣ проявленія высшей жизни, кромѣ музыки, слабы у палестинцевъ: народная литература и поэзія почти отсутствуютъ. Театръ, художество, пластика мало развиты. Еврейскихъ музеевъ, картинныхъ галлерей, библіотекъ — почти нѣтъ. Самая нравственность расы передъ окомъ статистики являетъ своеобразную картину. По справедливому замѣчанію проф. Гема-

на [1]), Евреи вносили свою долю участія во всѣ культуры, и тѣмъ не менѣе ни одна не создана и не проникнута ихъ духомъ. Проф. Геманъ многозначительно говоритъ, что Евреи не могли быть творцами собственной оригинальной культуры, потому что у нихъ не было собственной почвы, собственнаго постояннаго пристанища [2]). Но Ренанъ думаетъ, что не эти внѣшнія причины, а другія болѣе глубокія условія лежатъ въ основѣ этого своеобразнаго явленія — несомнѣнной одаренности расы и столь-же несомнѣнной неспособности создать національную культуру. Ренанъ говоритъ, что у Евреевъ, какъ расы, вообще нѣтъ призванія ни къ философіи, ни къ наукѣ, ни къ искусству, за исключеніемъ музыки [3]). Какъ будто созданіемъ Библіи — этого величайшаго этико-литературнаго произведенія исчерпывается продуктивная производительность Израиля, послѣ чего слѣдуетъ двухтысячелѣтняя безплодная пауза. Библію смѣнилъ казуистическій талмудъ, который также мало напоминаетъ многоцѣнную для человѣчества Библію, какъ византійская софистика — Греческую философію Платона: имитація уступаетъ оригиналамъ. Самобытное національное творчество Израиля какъ будто совершенно угасло и стало искать себѣ вдохновенія въ національныхъ идеалахъ тѣхъ народовъ, съ которыми Израиль сожительствуетъ. Еврейскія талантливыя и одаренныя натуры въ Россіи (Левитанъ, Антокольскій...) изображали чуждую имъ высшую жизнь, собственно же еврейская душа не находитъ въ нихъ для себя отраженія. Возвышенно-пламенныхъ рѣчей Исаіи и глубокаго лиризма Іереміи не даетъ позднѣйшая литература избраннаго на-

---

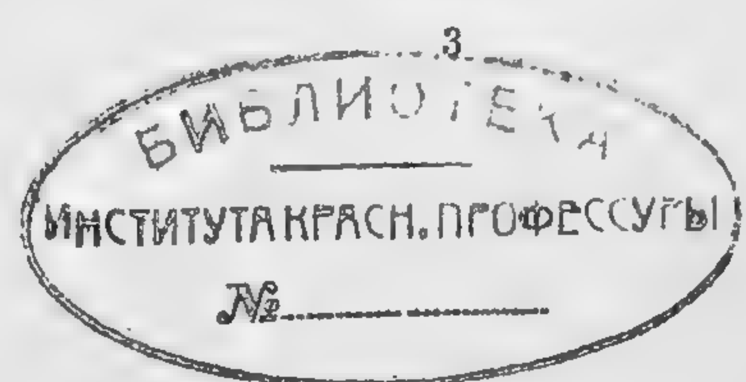
1) Геманъ, профессоръ. Пробужденіе Евр. націи. Перев. съ нѣм. Одесса, 1895, стр. 75.

2) Проф. Геманъ. ibid...

3) E. Renan L'histoire du peuple Jsraël (Etude d'histoire religieuse. Paris. 1863, pag. 102.

рода. Сказались въ душѣ другія чувства, особыя эмоціи, иной психологическій инвентарь!... Въ самомъ расовомъ психизмѣ — въ еврейской душѣ наступили перемѣны, которыя невольно отразились и въ народномъ характерѣ, и въ народномъ творчествѣ. Перемѣны эти одинаково замѣчаются, понимаются и отмѣчаются какъ тѣми, которые относятся къ гонимой расѣ безъ тепла и сочувствія, такъ и тѣми, кто ей благожелателенъ и преданъ — двойной контроль истины. Наиболѣе острымъ ребромъ въ палестинскомъ характерѣ выступаетъ отсутствіе идеализма и вытекающая изъ того простота и вульгарность натуры (Вакано). Если психологически взвѣсить критику и описанія обѣихъ сторонъ, то становится очевиднымъ, что у палестинца, чаще чѣмъ въ другомъ народѣ, гордость замѣняется высокомѣріемъ, самодовольство — кичливостью и надменностью, самоувѣренность — самомнѣніемъ и хвастливостью, самоуваженіе — тщеславіемъ и заносчивостью, гнѣвъ — недовольствомъ и мстительностью или шейлоковской жестокостью, страхъ — растерянностью и утратой мужества, стыдъ — нерѣдко принимаетъ нечистую форму виновности или приниженности и раболѣпства, даже печаль, столь хорошо вѣдомая палестинцамъ отъ временъ библейскихъ, нерѣдко направляется, вмѣсто глубокихъ переживаній, по руслу слёзъ, крика, или другихъ внѣшнихъ экспансивныхъ проявленій. Сущность такихъ модификацій состоитъ въ замѣнѣ многихъ чувствъ однимъ изъ сильнѣйшихъ или однимъ изъ элементарнѣйшихъ. Между крайними формами извѣстной эмоціи палестинцу нерѣдко недостаетъ промежуточныхъ варьянтовъ, въ его эмоціональной гаммѣ нѣтъ полутоновъ, и переходъ отъ одной эмоціи къ другой чувствуется рѣзко тѣми народами, у которыхъ душевное чутье тоньше и которые являются свидѣтелями жизни палестинцевъ. У рус-

скаго, особенно же у южноруссa чуткость къ голосу другихъ или къ мнѣнію общества необычайна, столь же велика и чуткость къ велѣніямъ собственной совѣсти, которая всякому чистому человѣку кажется какъ-бы реальнымъ голосомъ, живущимъ въ душѣ. Палестинецъ можетъ позавидовать этому тонкому психологическому органу многихъ народовъ, которые не переносятъ спокойно диссонанса въ душѣ, если онъ тамъ начинается. Палестинцы въ этомъ отношеніи спокойнѣе и другіе народы, можетъ быть, не безъ основанія упрекаютъ живущихъ между ними Палестинцевъ въ двоедушіи или лицемѣріи по ихъ способности не слушать или заглушать въ себѣ голосъ совѣсти, который, безъ сомнѣнія, въ глубинѣ души у нихъ существуетъ, не переставая исполнять свою отрезвляющую функцію. Объ этихъ отрицательныхъ сторонахъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя имѣютъ психологическую валюта и оказываютъ свое дѣйствіе на составъ духа, я охотно уклоняюсь говорить (и тоже совѣтую націоналистамъ!!), потому что рѣчь идетъ о сосѣдскомъ согласіи и примиреніи какъ того требуетъ исторія (Ренанъ), а не о чемъ иномъ. Но для тѣхъ, кто желалъ бы знать истину безъ умолчанія и риторическихъ фигуръ, я готовъ сослаться на книгу Леруа Болье: Jsraël chez les nations—книгу, которая переведена на русскій языкъ подъ не совсѣмъ точнымъ заглавіемъ: Евреи и антисемитизмъ, СПБ. 1894 г. Леруа Болье выступаетъ яркимъ защитникомъ и панегиристомъ еврейства и многое оправдываетъ и извиняетъ, не скрывая, однакожъ, какъ ученый, и темныхъ сторонъ (см. глава III-я въ указанной книгѣ, отдѣлъ: физіологія и психологія Еврея, особенно стр. 173, 191 и дал.). Мы же съ своей стороны на этомъ ставимъ точку, согласно примирительному предназначенію нашихъ строкъ и согласно строгому требованію русской народной пословицы: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ (по французски пословица

эта гораздо мягче: il ne faut pas reveiller (evéiller) le chat qui dort [1]). Русская пословица, грозя условнымъ наказаніемъ за растравленіе старыхъ ранъ, содержитъ для обѣихъ сторонъ хорошую мораль!

Сдѣлавши приведенную сейчасъ оговорку, мы остановимся только на тѣхъ особенностяхъ характера Евреевъ, которыя имѣютъ, какъ мы выше сказали, психологическую валюту, т. е. касаются не какихъ либо нравственныхъ недостатковъ, но относятся къ природнымъ ошибкамъ и неточностямъ въ созданіи и развитіи характера или темперамента. Самую существенную изъ такихъ особенностей составляетъ почти непрерывное присутствіе въ душѣ Еврея чувства виновности, которое съ объективной стороны является не чѣмъ инымъ, какъ только ошибкой или пробѣломъ въ постройкѣ характера; субъективно, однакожъ, чувствуется какъ вина и виновность. О наличіи въ душѣ Еврея этого чувства говорили многіе, хотя и не всегда вѣрно объясняли себѣ причину этой психологической находки. Такъ, знаменитый философскій публицистъ, на первомъ Сіонистскомъ конгрессѣ, о которомъ рѣчь будетъ ниже на стр. 34-й, жалуется, что Евреевъ презираютъ, приписывая имъ разные пороки. По этой причинѣ, не смотря на существующее по закону въ странѣ, о которой идетъ рѣчь, еврейское равноправіе—на дѣлѣ такое равноправіе не вполнѣ осуществлено. Отсюда будто бы вытекаетъ приниженность Еврея, его льстивость, скрываніе истины, двойственность, двоедушіе. Еврей чувствуетъ себя обособленнымъ, точно онъ виноватъ, или онъ какой-то нравственный уродъ, или же такой извергъ, какимъ его представляютъ себѣ его враги, отчего онъ невольно испытываетъ мучительное чувство марранства. Самый фактъ вѣренъ, но объ-

---

[1]) Казаринъ. Сборникъ франц. пословицъ и поговорокъ. Петроградъ, 1915.

ясненіе его иное. Не потому Еврей чувствуетъ себя, какъ марранъ (предатель, измѣнникъ), что другіе такъ о немъ думаютъ и тѣмъ будто-бы ставятъ его въ необходимость надѣвать маску, быть раболѣпнымъ, быть приниженнымъ, фальшиво-льстивымъ, но потому, что въ душѣ его дѣйствительно есть чувство виновности, какъ плодъ психологической задержки въ нормальномъ ходѣ его развитія и въ смѣнѣ чувствъ. При естественномъ ходѣ вещей это чувство (виновности) давно бы преобразилось въ чувство раскаянія, стыда, чести, нравственнаго достоинства и принесло бы въ душу миръ и внутреннюю правду. Но благодаря расовой задержкѣ въ психологическомъ обиходѣ, чувство виновности застыло въ душѣ и, пребывая тамъ, сдѣлало человѣка безъ вины виноватымъ. Такимъ образомъ, не другіе причиною того, что Еврей чувствуетъ себя марраномъ, но самъ онъ или вѣрнѣе — психологическая задержка всей расы, часть которой онъ составляетъ, живя въ ней и съ нею общей расовой жизнью. Выходъ изъ расы или переходъ всей расы въ націю, хотя бы и еврейскую – единственное противъ этого лекарство. Унизить человѣка другой не можетъ, какъ это кажется евреямъ: оскорбить другой можетъ, а унижаетъ себя только самъ человѣкъ. Слѣдовательно, истинной причиной факта марранства является остановка этническаго развитія всего народа въ расовой фазѣ. Вина психологическаго бѣдствія лежитъ на всемъ народѣ, или, если угодно, на его Пророкахъ и Мудрыхъ, на просвѣщенной части еврейства, но не на тѣхъ постороннихъ еврейству, которые живутъ и развиваются естественно, правильнымъ путемъ.

Замѣчательно, что чувство виновности и его производныя хорошо извѣстны и удостовѣрены какъ еврейскими, такъ и нееврейскими писателями и заслуживаютъ своевременныхъ разъясненій для обѣихъ сторонъ.

Гаустонъ Стюартъ Чамберленъ въ своей книгѣ [1]) говоритъ, что сознаніе грѣховности (т. е. психологическое чувство виновности) сдѣлалось у Іудеевъ состояніемъ постояннымъ послѣ Вавилонскаго плѣненія. Это сознаніе инстинктивно и коренится въ чисто физическихъ условіяхъ, являясь послѣдствіемъ продолжительнаго племенного скрещиванія особенно близкихъ племенъ,—что́ имѣло мѣсто у Іудеевъ, у которыхъ означенный фактъ чрезмѣрно часто практиковался. Такимъ путемъ собственно и образовался Іудейскій народъ, отособившись отъ Израильскаго и другихъ, заключая близкіе, иногда до неосторожности близкіе, браки. Іудейство наложило свою духовную печать на всю еврейскую расу, передавъ ей и свою нетерпимость. Противъ этого горячо возставалъ въ свое время пророкъ Іезекіиль, который ясно видѣлъ начинавшуюся опасность. Хотя, отъединяясь и обособляясь отъ другихъ народовъ, Іудеи въ дѣйствительности имѣли въ виду соблюдать только чистоту расы, не смѣшиваясь съ сосѣдней, чуждой, инородческой кровью, но предосторожность перешла безопасные біологическіе предѣлы и привела къ тому съуженію кровнаго обмѣна близкихъ племенъ, которое, при послѣдовательномъ повтореніи черезъ ряды поколѣній, вызвало опасную односторонность, давшую расѣ, вмѣстѣ съ остротой и силой отдѣльныхъ дарованій,—самое безспорное нарушеніе всего основного плана органической эволюціи, со внесеніемъ явныхъ психологическихъ ошибокъ развитія. Къ такимъ ошибкамъ относятся общая и общеизвѣстная раздражительность и нервность расы и тѣ задержки въ формированіи чувства и эмоцій, которыя выражаются бѣдностью эмоціальныхъ варьянтовъ и узостью эмоціональной гаммы, о чемъ уже сказано выше на стр. 32-й и что замѣтно по

---

[1]) Гаустонъ Стюартъ Чамберленъ. Евреи и пр., перев. съ нѣм. изд. 5-е СПБ. 1910 г. стр. 87.

общеизвѣстной и общепризнанной вульгарности расы, неспособной, при ея несомнѣнномъ умѣ, понять и оцѣнить всю важность и весь циклъ высшей жизни, проникнутой идеалами. Здѣсь — причина и самаго матеріализма еврейской расы, такъ поразившаго Вольтера, Канта, К. Маркса и многихъ.

Инстинктъ расы оказался выше ея ума и внесъ въ натуру острое чувство виновности, которое подобно знаку вырожденія и подобно раздражительности, весьма легко вспыхиваетъ, но остается безотчетнымъ, непонятнымъ и потому невѣрно экстеріоризуется, будучи въ дѣйствительности почти совершенно субъективнымъ. Оно является невольнымъ смутнымъ сознаніемъ какого то невѣдомаго органическаго порока, какой-то ошибки натуры, чуждой пониманію субъекта. Здѣсь корень глубокихъ недоразумѣній, дѣлающихъ расу нравственно безпомощной и заслуживающей скорѣе сожалѣнія и сочувствія, нежели иного отношенія... Ранніе браки у Евреевъ, при небрежной метрикаціи, иногда до наступленія 15 лѣтъ, сразу ставятъ точку на ходѣ физическаго роста и развитія, поставляя полуребенка при всѣхъ трудностяхъ сложныхъ родительскихъ обязанностей и внося въ жизнь множество недозрѣлыхъ и нравственно незаконченныхъ субъектовъ.

Благодаря продолжавшейся вѣками, даже тысячелѣтіями незаконченности чувства, при нормальномъ ходѣ развитія другихъ сторонъ натуры, возникла въ нѣдрахъ расы душевная односторонность, закрѣпленная наслѣдственностью, состоящая въ хорошемъ развитіи ума, при задержанномъ развитіи чувства. Такая комбинація ведетъ за собою недоразвитіе чувства и неисправимую вульгарность натуры, замѣчаемую единогласно всѣми народами, какъ острое ребро, которое чувствуется уже при первой встрѣчѣ Еврея съ неевреями и хорошо вѣдомо обѣимъ сторонамъ. Между тѣмъ, для жизни необхо-

димъ не тотъ холодный, сухой у м ъ, которому свойственна мефистофельская логика софиста, но тотъ живой, глубокій, объединенный съ чувствомъ, который у Бѣлинскаго называется „осердеченный умъ“. Только такой умъ даетъ силу истиннаго пониманія н а у к и (Клодъ Бернаръ) и единственно о н ъ ведетъ къ проникновенному уразумѣнію п р а в д ы ж и з н и во всей идеальности и чистотѣ.

Приведенные психологическіе факты, свидѣтельствующіе о незаконченномъ или задержанномъ развитіи чувства (эмоцій) у палестинцевъ гораздо болѣе серьезны, чѣмъ кажется съ перваго раза. Надъ ними философски призадумался Кантъ, задавая себѣ недоумѣнные вопросы о причинахъ Wuchergeist'a, который заслужилъ для палестинцевъ довольно извѣстную репутацію. Призадумался надъ палестинцами и Ренанъ и пришелъ къ выводу, что ихъ характеръ лишенъ идеальности и отличается ж е с т о к о с т ь ю, у з о с т ь ю, э г о и з м о м ъ, а ихъ умъ не обладаетъ той широтой и независимостью, какая необходима для созданія наукъ. Такія свойства ума и характера показываютъ, что семиту трудно создать и ту б о л ѣ е с л о ж н у ю ж и з н ь, которая стояла бы выше р а с о в о й. Отсутствіе-же высшей жизни съ ея идеализмомъ неизмѣнно держитъ Семитовъ въ рабствѣ низшаго расоваго существованія, со всѣми недостатками подобнаго существованія и съ уклономъ къ б е з ы д е й н о м у и г р у б о м у м а т е р і а л и з м у. Такой складъ духа у цѣлаго народа не могъ не удивить философскую натуру Канта, не могъ не заставить его призадуматься, какъ призадумался и Екклезіастъ, сказавшій: с у е т а с у е т ъ, в с я ч е с к а я с у е т а! Подобно Канту, призадумались многіе надъ вульгарностью расовой жизни, призадумался Вольтеръ, Гердеръ, Наполеонъ I, Сенека, Тацитъ, Лютеръ, Джіордано Бруно и даже реальный Карлъ Марксъ, сказавшій: и с т и н н о е б о ж е с т в о у Е в р е е в ъ — э т о д е н ь г и. Невольно приходится призадуматься не только самимъ носителямъ

палестинскаго имени, но даже русскимъ націоналистамъ и русскому народу... Но прежде всего надлежитъ призадуматься образованной части еврейства, ихъ ученымъ, публицистамъ, народникамъ, надлежитъ, подобно Сіонистамъ, проникнуться еврейско-народной жизнью, раскрыть ее, распознать, выразумѣть и, воспроизведя съ художественной правдой, призадуматься надъ нею, подобно Канту, подобно Екклезіасту, призадуматься надъ несомнѣннымъ психологическимъ застоемъ еврейскаго народнаго духа. До настоящаго дня образованная часть еврейства, ея лучшіе люди, писатели и публицисты усердно занимались только чужими дѣлами, только вопросами жизни другихъ народовъ, но мало останавливались на еврейской душѣ, на родномъ психизмѣ и допустили эти высшія сущности до такого упадка и такой степени отсталости, надъ которой задумываются лучшіе люди человѣчества. Но если и лучшіе люди еврейства, въ свою очередь, также призадумаются и, поуспокоившихъ на счетъ чужихъ (внѣшнихъ) дѣлъ, которымъ чуть не чрезъ мѣру отдаются, займутся своими (внутренними) и возбудятъ реформы въ толщѣ еврейскаго народнаго духа — въ самой глубинѣ его состава; то ихъ первымъ дѣломъ должно быть свер жені того расоваго гнета, подъ которымъ томится свободная и независимая еврейская мысль въ цѣпяхъ сковавшей ее расовой цензуры. Эта, самая деспотичная изъ всѣхъ существующихъ цензуръ, не только не допускаетъ никакой критики, никакого прикосновенія къ еврейскимъ дѣламъ, но окружаетъ *все еврейское* покровомъ условности, таинственности, замалчиванія, а иной разъ и прямой неправды... Съ первыми лучами реформы еврейскаго духа, начатой хотя бы по образцамъ Сіонистовъ, установится, быть можетъ, внутренняя работа евреевъ надъ самими собою, и только послѣ этого начнется дѣйствительное возрожденіе еврейской націи. Тогда и Библія и Пророки займутъ вновь подобающее имъ мѣсто, съ котораго они теперь удалены Талмудомъ.

Свободная критика, исходящая отъ талантливыхъ національныхъ писателей и ученыхъ, дастъ вѣрный толчокъ застоявшейся и отчасти выродившейся народной жизни и укрѣпитъ поколебленную и готовую пасть вѣру народовъ въ самую способность Еврея къ высшему творчеству и созданію высшей нравственности и даже къ первому провозвѣстію единобожія, которое Евреи считаютъ своимъ высшимъ національнымъ, историческимъ подвигомъ! Иначе— вѣра въ талантливость Еврея будетъ поколеблена. Это уже даже началось и ясно сказалось въ трудахъ талантливаго автора[1]), который на основаніи новѣйшихъ раскопокъ въ развалинахъ древняго Вавилона приписываетъ высокое авторство библіи не исключительно еврейскому духу, но также и народамъ уже раньше Евреевъ возвѣстившимъ міру возвышенныя идеальныя понятія, какъ празднованіе седьмого дня и т. д. Падетъ тогда слава Израиля въ умахъ людей, и всѣ послѣ этого скажутъ: могутъ ли открывать міру великія истины эти торгаши и ростовщики, большая часть которыхъ пропитана духомъ корысти и низменныхъ стремленій... Безспорно, уже начинаетъ меркнуть звѣзда Іуды, и сомнѣнія Гаустона Стюарта Чемберлена простерлись такъ далеко, что онъ сталъ думать о скромныхъ обитателяхъ Назарета и его страны, давшей міру Божественнаго Основателя христіанской религіи, что они были не Евреи по своему родству и происхожденію, а только принявшіе еврейство природные носители арійскаго духа и арійскаго антропологическаго начала... Впрочемъ, отъ этихъ невольныхъ историческихъ и лирическихъ отступленій перейдемъ къ вопросамъ, имѣющимъ непосредственное практическое значеніе для русскаго національзма и для задачъ, возлагаемыхъ на него настоящимъ временемъ.

---

[1]) Проф. Деличъ. Библія и Вавилонъ. (Bibel und Babel) перев. съ 5-го нѣм. изд. СПБ. 1912 г.

Самую значительную и многосодержащую особенность еврейской расы составляетъ ея давность — не менѣе четырехъ тысячъ лѣтъ — сравнительно съ которой историческая жизнь русскаго народа представляется фактомъ юной даты. Между тѣмъ, вопросъ о давности расъ имѣетъ большое жизненное и практическое значеніе въ смыслѣ вліянія на характеръ народа, на его инстинкты, привычки, жизненныя тенденціи, — на ихъ устойчивость и упорство. Ведя издавна расовое существованіе, Евреи не обнаружили склонности къ слитію съ другими народами (ассимиляція). Они усваиваютъ культуру и цивилизацію народовъ, среди которыхъ живутъ, но въ то же время твердо соблюдаютъ свои окрѣпшія неподвижно устойчивыя расовыя черты, а именно: этническій типъ, расовую плодовитость, односторонность въ занятіяхъ и профессіяхъ, уклоненіе отъ физическаго труда (и военной службы), стремленіе къ торговлѣ и всякому посредничеству, особенно торговому и проч. Наряду съ этими бытовыми знаками, выдающеюся типической чертою расы является унаслѣдованный пріемъ утаиванія и отрицанія истины,—какъ своеобразный пріемъ самозащиты. Эта психологія страуса, прячущаго голову подъ крыло, чтобы скрыть свое существо, поразительна для тонкаго, проницательнаго ума арійца, который не только знакомъ съ фактомъ, но и выработалъ для борьбы со зломъ надежное средство — судъ совѣсти, какъ верховный контроль истины. Но въ то же время Евреи не обнаруживаютъ склонности къ переходу отъ своего узкаго расоваго существованія къ высшимъ формамъ народной жизни, хотя бы по еврейскимъ образцамъ, оставаясь безъ родного языка, родной поэзіи и искусства и безъ отечества. Въ этомъ сказывается рутинная сила долгихъ сроковъ и отчасти вліяніе психологической неподвижности на самую сущность этнической жизни!... Нѣтъ проблеска какихъ либо идеаловъ національныхъ и общечеловѣческихъ.

между тѣмъ отрицательныя явленія дѣлаютъ свое поступательное движеніе. Въ сущности жизнь идетъ впередъ, но только другими путями!... Книга проф. Вармунда освѣщаетъ эти пути, она указываетъ на факты, представляющіе собою логическое послѣдствіе того, что Кантъ называетъ Wuchergeist, или чему Карлъ Марксъ даетъ названіе Schacher-Geld. Этотъ, не умѣряемый идеалами двигатель, далеко ведетъ палестинца, отвыкшаго отъ дыханія древне-пророческаго духа, отъ атмосферы идеаловъ и поэзіи и приводитъ его, наконецъ, къ возстановленію рабства среди свободнаго населенія европейскихъ народовъ: (продажа въ неволю молодыхъ женщинъ и дѣтей для вывоза за границу и то неслыханное преступленіе, ставшее обычнымъ въ Румыніи, о которомъ заявилъ Наполеону III-му б. Князь Карлъ Румынскій и о которомъ, въ отношеніи Россіи, засвидѣтельствовано, въ свою очередь, княземъ Горчаковымъ на Берлинскомъ Конгрессѣ). Послѣдній фактъ показываетъ, что прежняя такса стала не достаточной на рынкѣ новаго времени, и румыно-русскимъ Шейлокамъ уже требуется уплата грабительскихъ процентовъ чистопробною монетой Шейлоковскаго чекана[1])... Очевидно, самая жизнь, самая внутренняя организація еврейства настоятельно требуетъ реформъ: расовой видъ этническаго существованія отжилъ давно свои сроки, и наступило время великаго внутренняго преобразованія и перехода въ высшія этническія формы. Только эти формы имѣютъ силу покарать пороки и вдохнуть идеальную жизнь, безъ которой раса ду-

[1]) Als Napoleon III den jetzigen König Karl von Rumänien aufforderte gegen die Juden milde vorzugehen, verwies ihn dieser unter Anderem auf die Thatsache, dass judische Gläubiger sich an den Leibern der Töchter ihrer bäuerlichen Schuldner bezaht machen, und zwar sei dies nicht Ausnahme, sondern die Regel. Auf dem Berliner Kongresse machte Fürst Gortschakoff ähnliche Mittheilungen über russische Verhältnisse. См. Wahrmund. l. cit. S. 96.

ховно вырождается! Пока такой переходъ не совершится, нравственныя уродливости, подобныя описаннымъ, и даже худшія, будутъ неизбѣжно появляться на еврейскомъ горизонтѣ и станутъ вредить еврейству въ общественномъ мнѣніи всѣхъ странъ, народовъ и государствъ, какъ бы упорно ни скрывались Евреями темныя пятна и какъ бы эти пятна ни замалчивались и не отрицались. И хотя бы упорство отрицанія стало полнымъ, а искусство утаиванія совершеннымъ до художественности,—о чемъ Евреи болѣе всего стараются [1]),—все же двѣ разнящіяся жизни неминуемо проявятъ истину своего глубокаго различія и фактъ своей рѣшительной расходимости, которую лучше всего выразить словами философскаго оратора, сказанными на первомъ съѣздѣ Сіонистовъ въ Базелѣ и принятыми отъ слушателей съ знаками единодушнаго живѣйшаго одобренія:

„Еврей наивно говоритъ: Я человѣкъ и все человѣ-„ческое не считаю себѣ чуждымъ. Ему отвѣчаютъ: Какъ „бы не такъ! мы обязаны признавать тебя человѣ-„комъ, но у тебя нѣтъ понятій о чести, нѣтъ чувства „долга, нравственности, любви къ родинѣ, идеализма, „а потому мы должны держать тебя вдали отъ всѣхъ „учрежденій, гдѣ требуются эти качества“ [2]).

Таковы двѣ жизни — жизнь расы и жизнь національныхъ народовъ. Въ то же время это два credo, два знамени, двѣ программы. Въ одну программу входятъ въ качествѣ пси-

---

[1]) Кн. Н. Н Голицынъ. Матеріалы для изученія Еврейскаго вопроса въ Россіи, Каменецъ-Подольскъ 1873—75. Голицынъ такъ выражается о евреяхъ: этотъ народъ не смущается ни передъ логикой ни передъ фактомъ, ни передъ лицезрѣніемъ, ни передъ осязаніемъ,... никогда не скажетъ правды, не произнесетъ покаяннаго: я виновенъ и т. д.

[2]) С. Пэнъ. Первый Всемірный Конгрессъ Сіонистовъ въ Базелѣ (полный отчетъ), изд. Кн. Магазина Я. Х. Шермета, Одесса, 1897, стр. 24.

хологическихъ орудій: страхъ, приниженность, корысть, лесть, золото, въ другую — прямота, честь, достоинство, истина, правда. И объ этомъ одна сторона заявляетъ другой откровенно — въ отвѣтъ на требованіе равноправія, существующаго по закону, но задерживаемаго на практикѣ. Конкретныя качества обѣихъ программъ двухъ жизней указаны выше на стр. 28 — 29. Обѣ программы и обѣ направляющіяся по нимъ жизни ждутъ согласія, соглашенія, примиренія, и прежде всего расовая жизнь, какъ низшая, должна подняться до уровня національной. Какъ подняться? Это — задача, право и долгъ самой расовой жизни и ведущихъ ее индивидуумовъ. Въ нихъ иниціатива!... Смежная національная жизнь будетъ терпѣливо ждать.

Въ историческія времена во внутренней жизни еврейства несъ высокую службу институтъ Пророковъ и Мудрецовъ—чисто національныя учрежденія. Смѣнившій ихъ ортодоксальный талмудизмъ явно безсиленъ исполнить такую миссію. Но можетъ быть и не въ немъ— не въ талмудизмѣ—кроется причина застоя народной жизни, хотя либеральные евреи нападаютъ на ортодоксовъ, усматривая въ нихъ именно причину отсталости расы. Причина, конечно, не въ талмудѣ, а въ самомъ существѣ расоваго бытія. Оно также опасно, какъ молочные зубы, отбывшіе свой срокъ, но не выпавшіе своевременно и не смѣненные постоянными: потребуется хирургическое исправленіе ошибокъ природы. Пережившее свой срокъ расовое бытіе опасно въ особенности тѣмъ, что, будучи по природѣ неподвижнымъ, препятствуетъ идеализму и свободѣ совершить тѣ необходимыя реформы въ самомъ душевномъ строѣ, въ самомъ составѣ духа, какія стали неотложными. Этому глубокому втутреннему преобразованію раса упорно и слѣпо противится и подавляетъ всякіе проблески критики, исходящей отъ чу-

жихъ и отъ своихъ. Достаточно привести два пояснительныхъ примѣра. Очень извѣстный Берлинскій профессоръ въ общеизвѣстной цитатѣ, въ сотый разъ повторяетъ не менѣе общеизвѣстный фактъ въ слѣдующихъ словахъ: „о національныхъ недостаткахъ нѣмцевъ, французовъ и другихъ народовъ можно сказать жестокую правду, но заговорить о самыхъ безспорныхъ недостаткахъ еврейскаго характера невозможно, тотчасъ отовсюду поднимутся еврейскіе голоса, обвиняющіе автора въ варварствѣ и религіозномъ преслѣдованіи". Но совершенно также Евреи относятся и къ своимъ. Нѣкто Фроммеръ, библіотекарь еврейской общины въ Берлинѣ, написалъ статью: „Сущность еврейства" и вызвалъ этимъ, какъ самъ выражается, такой бѣшеный вой (Wutgeheul), котораго даже онъ, какъ еврей, хорошо знакомый съ нравами единовѣрцевъ, вопреки своему большому опыту, никакъ не могъ ожидать. Сказавъ то же, что и предыдущій авторъ, онъ добавляетъ, что по отношенію къ евреямъ нельзя рискнуть ни однимъ словомъ критики (gegen Juden nicht ein kritisches Wörtchen wagen). Такой неслыханный расовой деспотизмъ и нетерпимость, которой не чужды и образованные евреи, всегда носитъ узкій, стадный характеръ, подобно всякому расовому началу, и останавливаетъ необходимыя иниціативы и всякую работу по исправленію еврейскаго характера. Недавнія горячія попытки евреевъ — Сіонистовъ создать и разработать національный характеръ и собрать весь Израиль во-едино на собственной территоріи, вдохновивъ звуками родной рѣчи и поэзіи и отучивъ его, наконецъ, отъ блужданія и кочевой жизни среди другихъ народовъ, не имѣли, какъ извѣстно, успѣха, хотя въ трудахъ Конгресса приняли участіе выдающіяся еврейскія силы, пользующіяся самой безспорной всемірной извѣстностью, которыхъ при томъ конгрессисты встрѣчали бурными знаками одобренія. Наибольшимъ авторитетомъ пользовались д-ра Герцль и Нор-

дау. И послѣ такого успѣшнѣйшаго дебюта Сіонизма, движеніе это, тѣмъ не менѣе, не имѣло такого продолженія дѣла, какое было настоятельно необходимо для внутренней реформы въ Израилѣ — что такъ глубоко было задумано Герцлемъ. Сіонистскіе Конгрессы еще продолжались, какъ при жизни Герцля, такъ и послѣ него, при Максѣ Нордау, но вскорѣ евреи раздѣлились на партію территоріалистовъ, желавшихъ имѣть собственную территорію, свой языкъ, душу и нравы, и на партію кочевниковъ, готовыхъ оставаться въ случайномъ отечествѣ, среди чуждыхъ имъ націй. Сіонистскіе Конгрессы, вначалѣ одушевленные и горячіе, постепенно сошли почти на ничто въ ожиданіи своего естественнаго конца. Вопросъ о еврейской націи быстро гаснетъ въ виду всеобщихъ стремленій всемірнаго еврейства продолжать расовую жизнь — безъ родныхъ идеаловъ, родного языка, безъ собственной литературы и національныхъ учрежденій — безъ всего обширнаго инструментарія народной жизни, безъ котораго, однако, немыслима высшая жизнь народа. Такимъ противоестественнымъ существованіемъ еврейство томится, испытывая духовную жажду, удовлетвореніе которой ему видится въ политическомъ равноправіи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ занимаемыхъ странъ... Въ еврейскихъ кругахъ зародилась и другая мысль—о необходимости или неизбѣжности международнаго менторскаго шага со стороны великихъ народовъ и религій, чтобы пытаться уврачевать нѣкоторыя отрицательныя явленія въ еврействѣ. Идея эта подана знаменитымъ евреемъ, Исаакомъ Кремье, впослѣдствіи членомъ французскаго правительства третьей республики. Дальше словъ дѣло не пошло. Послѣ перваго горячаго порыва Кремье, въ минуту опасности, грозившей Израилю, все затихло!... Такъ прошло свыше полустолѣтія... Но пока что, еврейство видимо задумываетъ новый шагъ и готово безпокойно неправиться въ другую сторону. Въ началѣ, 1914 года

сдѣланы были приготовленія къ созыву всемірнаго конгресса еврейскихъ дѣятелей, но уже не Сіонистскаго — не конгресса по этническому дѣлу созданія родной націи, но конгресса по вопросу о созданіи чего то вродѣ еврейской имперской державы съ учрежденіемъ въ Брюсселѣ или въ другомъ мѣстѣ Западной Европы особаго представительнаго органа, который бы вѣдалъ всѣ дѣла, затрогивающія интересы еврейства въ его цѣломъ. По задуманному проекту этотъ органъ долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ еврейскаго международнаго парламента, настолько могущественнаго, чтобы онъ могъ сноситься съ правительствами государствъ. По мысли организаторовъ будущаго конгресса, еврейство уже выросло изъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыя его ставитъ не всегда благожелательная политика отдѣльныхъ государствъ, и ему пора заявить о своемъ международномъ значеніи и своемъ національномъ лицѣ. Организаціонное совѣщаніе рѣшилось, однако, придать своимъ засѣданіямъ строго конспиративный характеръ съ недопущеніемъ въ засѣданіе даже вполнѣ благонадежныхъ газетъ. Однако же, судя по свѣдѣніямъ газетъ, которымъ удалось кое-что узнать, предстояла уже не Сіонистская національная программа, но политическая, международная, съ суверенными правами для еврейства, но безъ орудій для суверенитета и безъ территоріи для новой, какъ бы державы — состояніе на землѣ, можетъ быть, не бывалое!... Безъ сомнѣнія, для реформы русскаго еврейства дорога на Петроградъ, по руслу внутренняго законодательства, была бы прямѣе и естественнѣе, избранный же кружный путь черезъ Брюссель, только поднялъ на ноги, судя по тѣмъ же газетнымъ свѣдѣніямъ, цѣлую армію международнаго шпіонства, не давъ, вѣроятно, другихъ результатовъ, кромѣ развѣ обиды Гаагѣ, которая имѣетъ больше правъ на „всемеждународное“, чѣмъ Брюссель. Наряду съ помыслами о международной постановкѣ еврейскаго во-

проса, задуманная Сіонистами задача національнаго возрожденія расы стала какъ будто отходить на второй планъ.

Чтобы покончить съ данными о еврействѣ, упомянемъ о фактахъ и жалобахъ на такъ называемое засиліе. Этотъ обычный терминъ сталъ въ послѣднее время чаще слышаться по отношенію къ дѣятельности евреевъ. Терминъ насиліе понятенъ, а слово засиліе нуждается въ академическомъ словарѣ. Засиліе происходитъ отъ слова силокъ и обозначаетъ: сила, вліяніе, власть, насиліе; взойти въ засиліе—значитъ получить значеніе, вліяніе. О засиліи говорятъ не только въ торговомъ, дѣловомъ смыслѣ, но даже въ прессѣ, литературѣ, говорятъ о газетномъ засиліи евреевъ, и одна изъ русскихъ газетъ привела обширный списокъ газетъ, газетныхъ сотрудниковъ и издательствъ, оказавшихся въ рукахъ евреевъ. Подобное явленіе наблюдается даже и за границей — и это для многихъ кажется однимъ изъ обычнымъ псевдо-успокоительныхъ доводовъ. Фактъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, какъ видно изъ списка, напечатаннаго въ упомянутой газетѣ, и онъ указываетъ на то, что Евреи и въ умственныя сферы ввели власть крупныхъ числъ и капитала въ помощь личнымъ кадрамъ своего племени. Въ этомъ, конечно, содержится только нѣкоторое объясненіе, но не оправданіе того, что совершается. Для литературы и для общественной дѣятельности засиліе евреевъ—это такое явленіе и такая жалоба, которая обращается остріемъ противъ самого жалобщика. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, нашей публицистикѣ не будетъ стыдомъ въ этомъ признаться?! Или, быть можетъ, Россія стала такой націей, для которой газеты пишутся Греками и Евреями, или, наконецъ, пресса уподобилась бюрократамъ и фармацевтамъ, которые непропорціонально густо наполняютъ аптеки и канцеляріи нѣмецкимъ и еврейскимъ контингентомъ. На фармацію можно не возлагать особенныхъ надеждъ: фальсификація лекарствъ и разсылка рекламъ давно свили

себѣ гнѣздо въ мірѣ лѣкарственности, но канцеляріямъ и прессѣ будетъ стыдно, если онѣ подобно аптекамъ будутъ вѣрить въ силу фильтра и станутъ продолжать отцѣживать отъ дѣла безспорно талантливое русское племя. Нельзя въ этомъ засиліи видѣть другого начала, кромѣ застарѣлой рутины. Существовала повадка и въ бывшемъ Петербургѣ, согласно которой изъ семи главныхъ врачей больницъ пятеро были нѣмцы, говорившіе такъ плохо по русски, что писали свои записи по-нѣмецки или по-латыни вмѣсто русскаго, двое остальныхъ были тоже не русскіе; продолжалось это до тѣхъ поръ, пока одно высокое лицо не замѣтило канцеляріямъ, что здѣсь кроется какой то зубъ противъ русскихъ врачей. Съ того времени, все какъ рукой сняло, и русскій врачъ тотчасъ оказался вполнѣ освѣдомленнымъ уже и тогда, какъ и въ текущую войну. Русской прессѣ, особенно періодической, и русскому издательству такъ-же будетъ стыдно, какъ въ ту пору было стыдно канцеляріямъ, если въ прессѣ за русскими не будетъ закрѣплено подобающее мѣсто. Сколько бился Менделѣевъ, чтобы передать русскую нефть въ русскія руки?! Не должно забывать этого! Теперь добыча нашей нефти обогащаетъ разныхъ заграничниковъ. Почти никто не поддержалъ Менделѣева!!! Но на русской прессѣ лежитъ еще важный неисполненный долгъ. На покойнаго Достоевскаго всю жизнь нападали, и даже по смерти не могутъ простить ему нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ въ предостереженіе русскому народу. Слова эти общеизвѣстны, произнесены съ одушевленіемъ и силою пророка Иліи и касались тѣхъ же палестинцевъ, которыхъ въ свое время бичевалъ Илія. Для нашихъ палестинцевъ Достоевскій былъ непереносимъ. Также не переносили Менделѣева и всячески замалчивали эту гордость русской земли, а одно фармацевтическое общество въ одной изъ столицъ даже выразилось въ одномъ изъ засѣданій: „бывшій когда то ученымъ Менделѣевъ“,

и это въ награду за его „Познаніе Россіи“, гдѣ Менделѣевъ былъ болѣе ультра-правдивъ, чѣмъ ультра-щепетиленъ по адресу палестинцевъ. Русской прессѣ надлежало ополчиться въ защиту этихъ великихъ русскихъ людей! Это ея безусловный долгъ. Русскому обществу надлежитъ высоко держать знамя своей независимой національной (не националистической!) прессы. Такъ спасаютъ себя чехи, поляки, нѣмецкіе и австрійскіе славяне. Безъ особливыхъ заботъ націоналистовъ о родной прессѣ, „талантливые“ палестинцы будутъ хвастать, называя себя солью Россійской имперской земли (о русской землѣ они готовы забыть!)... Къ счастью, при мысли о литературномъ засиліи, вопросъ идетъ не о русской наукѣ, а только о русской газетной прессѣ—и то не всей, гдѣ палестинцы взяли засиліе. Но, сводя всѣ факты воедино, нѣтъ собственно основаній говорить о талантливости расы или объ ея значеніи вообще, дѣло идетъ только о ловкости и сноровкѣ въ добываніи дѣла и о привлеченіи къ нему издательскихъ капиталовъ, но не о литературныхъ достоинствахъ или преимуществахъ даровитой расы. Въ этомъ убѣдятся редакторы, если всегда будутъ основательно отличать репортеровъ отъ литераторовъ — что́ маленькими газетами безпощадно смѣшивается. Но въ освѣдомительной профессіи евреи дѣйствительно и несомнѣнно превосходятъ русскихъ. На эту особенность указываетъ и Вармундъ, признавая освѣдомительство и смежныя качества за спеціальный талантъ [1]) Семитовъ, свойственный имъ отъ природы. Талантъ этотъ имѣетъ много общаго, по мнѣнію Вармунда, съ фактомъ подвижной и передвижной жизни Семитовъ. Близко стоитъ къ освѣдомительному таланту и талантъ интендантскій, къ которому евреи имѣли всегда

---

[1]) Wahrmund l. c. стр. 149. Вармундъ называетъ необинуясь этотъ талантъ просто—Spionirtalent.

особое влеченіе и какъ бы природный даръ. Наполеонъ I считалъ евреевъ за опытныхъ интендантовъ, но впослѣдствіи призналъ свою ошибку. Общая вѣра въ даровитыхъ интендантовъ окончательно поколеблена нашими земскими и городскими самоуправленіями, которыя воочію показали всѣ преимущества ихъ поставокъ, гдѣ притомъ замѣнено личное начало коллективнымъ.

Въ заключеніе ряда приведенныхъ фактовъ и соображеній можно высказать мысль, что засиліе еврея находитъ для себя надлежащій коррективъ въ самодѣятельности земскихъ и городскихъ самоуправленій. Засиліе только показываетъ слабость этой самодѣятельности.

8. Инородцы. Ихъ обыкновенно отдѣляютъ отъ предшествующей рубрики даже въ группѣ статистическихъ цифръ, хотя на самомъ дѣлѣ такъ называемые русскіе инородцы стоятъ ближе къ кореннымъ русскимъ въ антропологическомъ и психическомъ отношеніи чѣмъ Семиты. Русскіе инородцы болѣе склонны къ осѣдлой жизни (исключая Туранцевъ) и болѣе расположены къ національному роду жизни, обнаруживая, вопреки Семитамъ, наклонность къ постояннымъ занятіямъ и ко всѣмъ родамъ дѣятельности, не внося, такимъ образомъ, ничего узкаго, специфическаго и не становясь рѣзко поперекъ дороги занятому дѣломъ сосѣду. Различаясь языкомъ, религіей, учрежденіями, нравами, образомъ жизни, русскіе инородцы сходны съ коренными жильцами страны планомъ и общими принципами, на которыхъ построена и утверждается ихъ существо и жизнь. Оттого согласіе и соглашеніе между обѣими сторонами легче признается, устанавливается и развивается, чѣмъ между кореннымъ населеніемъ и Семитами. На этихъ иногда немногихъ, но совершенно общихъ точкахъ соприкосновенія жизнь объединяется и культурно сливается, двигаясь дальше уже общими съ сосѣдствомъ шагами, общей поступью. Это и есть то согла-

сіе, о которомъ говоритъ Ренанъ и которое онъ считаетъ естественнымъ явленіемъ въ природѣ народной жизни, по крайней мѣрѣ въ теченіе неопредѣленно продолжительнаго срока. Это и есть нація, по смыслу Ренана. Это далеко не то, что имперская жизнь и самостоятельность отдѣльныхъ народностей въ воображаемой нѣкоторыми Россійской державѣ, а есть русскій народъ и созданное имъ русское государство.

Жизнь Семитовъ (описанныхъ подъ № 7) разнится какъ отъ жизни коренного населенія Россіи, такъ равно и отъ жизни инородческой. Русскимъ инородцамъ жизнь Евреевъ также чужда, какъ и самимъ русскимъ: финляндцы, какъ народъ, относятся къ Семитамъ болѣе отрицательно и строго, чѣмъ сами русскіе—такъ различны эти жизни и въ такой степени одна другую не привлекаютъ. Въ этомъ собственно смыслѣ русскіе инородцы ближе къ коренному населенію Россіи, чѣмъ Евреи. Но таково отношеніе къ Евреямъ почти у всѣхъ народовъ земли, по причинамъ, указаннымъ выше на стр. 30—32. Wahrmund, много занимавшійся предметомъ, называетъ всякое передвиженіе Евреевъ не переселеніемъ, не миграціей, а Invasion (Razzia). Оба названія: Invasion (франц. и нѣм.) и арабское Razzia означаютъ враждебное, насильственное, военное нашествіе (Littré). Настолько образъ жизни Евреевъ разнится отъ жизни другихъ народовъ, что обычное слово эмиграція или миграція къ нимъ не примѣняется. Это не переселеніе, а нашествіе по его существу и дѣйствительному значенію! Передвиженія Евреевъ носятъ такой характеръ оттого, что Евреи, на самомъ дѣлѣ, еще не вышли изъ кочевого и полукочевого состоянія, не смотря на свою образованность: это является слѣдствіемъ соединенія у нихъ одаренности съ частичной душевной отсталостью и задержкой (собственно задержка нравственная при умственной одаренности). Оттого ихъ конкурренція не равно-

сильна обычной конкурренціи: это не конкурренція, не соревнованіе, не встрѣча и борьба равноцѣнныхъ и равнозначныхъ силъ, а борьба двухъ натуръ, двухъ психологій, которыя такъ разнятся между собою, какъ это разъясняетъ цитата изъ рѣчи крупнаго оратора на первомъ Сіонистскомъ Конгрессѣ см. выше стр. 43-я. Уравненіе здѣсь невозможно безъ нѣкоторыхъ коррективовъ и поправокъ. Оттого такъ трудно найти справедливость и выходъ изъ существующаго положенія! По крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно на практикѣ. Это задача, поставленная самой жизнью, обычными формуламии она неразрѣшима!

Русскихъ инородцевъ обыкновенно раздѣляютъ (за исключеніемъ Евреевъ) на Угро-Финновъ, Монголовъ и Турко-Татаръ по родовымъ вѣтвямъ, къ которымъ они относятся.

Угро-Финскія племена занимаютъ сѣверную часть Европейской Россіи и Сибирь до Енисея. Они — бѣлые, но не арійскаго происхожденія. Арійскія примѣси проникли къ нимъ и отчасти пропитали ихъ уже впослѣдствіи. Угрофинны ведутъ жизнь осѣдлую, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, производятъ предметы изъ дерева (дерев. посуда, корзины). Къ нимъ относятся: Финны, Эсты, Карелы, Мордва, Мещеры, Черемисы, Чуваши, Вогулы, Вотяки и т. п.

Къ инородцамъ—монголамъ относится значительное населеніе. Они занимаютъ югъ Европейской Россіи (слѣды отъ прежнихъ нашествій на Европу), Сѣверъ и Сѣверовостокъ Сибири отъ Енисея до Великаго океана. Къ нимъ относятся собственно Монголы, Калмыки, Буряты, Самоѣды, Тунгузы, Гиляки, Корейцы, Камчадалы. Они ведутъ осѣдлую жизнь, частью кочевую, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, усваиваютъ цивилизацію Россіи; нѣ-

которые приняли христіанство (Буряты) и кровно сливаются съ русскими, давая одаренное потомство.

Къ Турко-Татарамъ относятся Якуты (Енис. губ.), Туркмены, Узбеки, Ногайцы, Киргизы, Башкирцы. Занимая среднюю Азію между Китаемъ и Каспійскимъ моремъ, отчасти Поволжье, значительная часть ведетъ кочевую жизнь, но съ занятіемъ Россіей Средней Азіи культура, цивилизація и осѣдлость развиваются въ турко-татарскомъ населеніи, особенно въ Поволжьѣ.

Такъ какъ въ настоящее время идетъ дѣятельная коконизація Сибири кореннымъ русскимъ населеніемъ, около полумилліона переселенцевъ ежегодно, притомъ силами не пролетарскаго населенія, но обезпеченнаго нѣкоторымъ достаткомъ, то становится вполнѣ яснымъ, что возстанавливается и крѣпнетъ историческій процессъ той вѣковой колонизаціи, начатой съ финскихъ инородческихъ племенъ, которая дала столь благодѣтельныя послѣдствія и возвысила мирную культурную заслугу нашего отечества, обращая малокультурные народы и территоріи въ богатую страну, содержащую въ себѣ земельный запасъ и природное богатство для будущихъ временъ — для будущаго отечества!

Очевидно, что ближайшему будущему предстоитъ задача—возстановить, въ широкихъ рамкахъ, счастливое начинаніе, сказавшееся на зарѣ исторической жизни русскаго народа, т. е., продолжить съ новою силою колонизацію Руси въ глубь Сибирскихъ мѣстъ и въ нѣдра тамошняго населенія какъ русскаго, такъ и остающагося инородческаго, теперь уже менѣе численнаго, чѣмъ русское. Опытъ послѣднихъ четырехъ столѣтій выяснилъ, что русское населеніе Сибири, даже и та часть его, которая не свободна отъ примѣси мѣстной инородческой крови, оказывается крѣпкимъ, здоровымъ и одареннымъ въ духовномъ отношеніи, какъ показываетъ примѣръ Сибирскаго казаче-

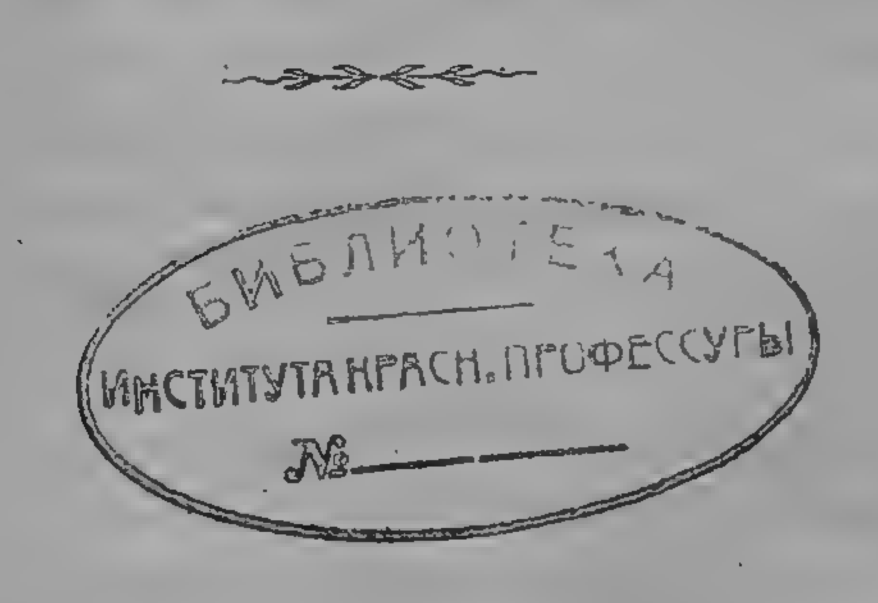
ства, дающаго счастливую прогенитуру какъ отъ русскихъ, такъ и отъ смѣшанныхъ браковъ. Въ новыхъ поколѣніяхъ не только не замѣчается слѣдовъ какого-либо ослабленія русской расовой одаренности, подобнаго тому, какое испытали нѣкоторые романскіе народы, смѣшавшись съ аборигенами Америки и Африки, напротивъ— новыя Сибирскія поколѣнія оказываются здоровыми, сильными, приспособленными къ природѣ страны и хотя содержатъ въ своей внѣшности (скелетъ) нѣкоторыя Монгольскія или Угро-финскія черты, но въ духовномъ складѣ носятъ ясно отмѣченный типъ русской натуры, въ соединеніи съ ея одаренностію и лучшими военными и мирными доблестями. Это показываетъ, что русско-монгольская и русско-финская кровь представляютъ собою такое біологическое начало, которое не должно быть избѣгаемо, но достойно правъ, всякой поддержки и распространенія. Что же касается третьяго инородческаго элемента Сибири т. е. турко-татарскаго начала, то значеніе этой примѣси еще требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій. Такимъ образомъ, останется ли русское населеніе,—устремляющееся нынѣ на широкій просторъ обширной Сибири,— антропологически чистымъ, безъ инородческихъ примѣсей или эти примѣси будутъ въ немъ происходить, — въ томъ и другомъ случаѣ, за новыми Сибирскими поколѣніями уже обезпечено сохраненіе и развитіе сильнаго русскаго начала и русскаго духа съ его культурой и языкомъ. Употребляя сравненіе Льва Толстого, можно сказать, что русскій привитокъ къ инородческому дичку Сибиряка, получая отъ своихъ корней здоровую сильную физическую природу, остается типически русской натурой, съ русской душой и русскимъ языкомъ.

Что же касается, наконецъ, нѣкоторыхъ второстепенныхъ инородческихъ примѣсей, внѣ указанныхъ трехъ, то значеніе тѣхъ изъ нихъ, гдѣ уже сказались явленія вы-

рожденія или расовое недоразвитіе духа, менѣе требуютъ поощренія или, по крайней мѣрѣ, возможность смѣшанныхъ браковъ съ ними требуетъ нѣкоторой внимательности—во избѣжаніе внесенія въ русскую расу небезопасной односторонности характера.

Ожидаемая вторая Всероссійская Всеобщая Перепись, вѣроятно, дастъ крупныя новости и важныя данныя къ Познанію Россіи по вопросамъ о составѣ населенія, о родахъ промышленности и богатствахъ страны, если въ обработкѣ данныхъ будутъ примѣнены пріемы и пути, какіе столь блестяще употребилъ Менделѣевъ въ своемъ разборѣ данныхъ Первой Переписи!

Для русскаго національнаго еще въ большей степени будутъ освѣщены Второю Переписью его пути!

Новѣйшія сочиненія:
Проф. И. А. Сикорскаго
въ послѣднія пятнадцать лѣтъ 1900—1915.

Что такое нація и другія формы народной жизни? Кіевъ, 1915 г. . . . . Ц. — р. 30 к.

Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи, удостоенная В.-М. Академіей преміи Юшенова (3.400 р.). Изданіе второе, существенно дополненное. Кіевъ, 1912 г. . . Ц. 5 р. 50 к.

Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ Судебной Психологіи. Иллюстрированное изданіе съ 360 фигурами въ текстѣ. Кіевъ, 1911 г. . . . . Ц. 7 р. 50 к.

Душа ребенка. Изданіе III. Кіевъ, 1910 г. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. Оглоблина, въ Кіевѣ . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Начатки Психологіи. Кіевъ, 1909 г. . . . . Ц. 1 р. 35 к.

Сборникъ научно-литературныхъ трудовъ, Кіевъ. I—V кн. (IV книга Алкоголизмъ въ Россіи) . . Ц. 5 р. — к. (Книжный магазинъ Іогансона въ Кіевѣ).

Объективное изслѣдованіе чувства. Кіевъ, 1903 г. Ц. — р. 75 к.

Разсказъ о 25-ти заживо-погребенныхъ въ Терновскихъ хуторахъ близъ Тирасполя. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р. — к.

Психологическія основы воспитанія и обученія. Кіевъ, 1909 г. . . . . Ц. 1 р. — к.

Н. И. Пироговъ. Рѣчь на столѣтнемъ юбилеѣ. Кіевъ, 1910 г. Ц. — р. 20 к.

Психологическое направленіе творчества Гоголя. Кіевъ, 1910 г. . . . . Ц. — р. 15 к.

Талантливость и даровитость въ свѣтѣ объективнаго изслѣдованія. Кіевъ, 1912 г. . . . . . Ц. — р. 30 к.

Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ, 1912 г. (изданіе второе) . . . . Ц. — р. 20 к.

Надвигающійся кризисъ отъ вина. Кіевъ, 1912 г. (изданіе второе) . . . . Ц. — р. 20 к.

Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ, 1912 г. . . . . Ц. — р. 40 к.

Основы алкогольной политики въ Россіи. Кіевъ, 1912 г. Ц. — р. 20 к.

Планъ физическаго и психическаго изслѣдованія дѣтей дошкольнаго возраста. Кіевъ, 1914 г. . Ц. — р. 50 к.

Психологическая борьба съ самоубійствомъ въ юные годы. Кіевъ, 1913 г. . . . . Ц. — р. 30 к.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ:

Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ и Н. Я. ОГЛОБЛИНА въ Кіевѣ и Петроградѣ, а также въ магазинахъ „Нов. Вр.“ Суворина въ Петроградѣ и Москвѣ и у автора: Кіевъ, Ярославовъ Валъ, 15.

ЦѢНА 30 КОП.

Получать можно въ Кіевѣ, въ Кіевскихъ книжныхъ магазинахъ и въ Петроградѣ и Москвѣ въ магазинахъ Новаго Времени.

